

Софи Ханна

В мире продано
более 1 000 000
экземпляров
книг Софи Ханна

Ханна – автор, чьи детективы
ни в коем случае нельзя пропускать.
The Times

ИДЕЯ ФИКС

Саймон Уотерхаус и Чарли Зайлер

Софи Ханна

Идея фикс

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Ханна С.

Идея фикс / С. Ханна — «Эксмо», 2011 — (Саймон Уотерхаус и Чарли Зайлер)

ISBN 978-5-699-92964-1

Конни Боускилл уже давно подозревала, что муж завел шашни на стороне – ведь недаром он постоянно ездит в Кембридж в какой-то дом, адрес которого «забит» в его навигаторе. А теперь она случайно узнала, что дом этот выставлен на продажу. Конни отыскала виртуальный тур по нему на сайте продавца недвижимости – и запустила видео в надежде отыскать какие-то следы пребывания своего неверного супруга. Она была поражена, увидев в гостиной... труп женщины, лежащей на полу в луже крови. Но еще больше Конни поразило то, что при повторном просмотре видеотура никакого трупа в гостиной уже не было! Не зная, чему верить – своим глазам или голосу рассудка, – она решила на всякий случай позвонить знакомому своих знакомых, детективу Саймону Уотерхаусу...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-92964-1

© Ханна С., 2011
© Эксмо, 2011

Содержание

1	9
2	19
3	25
4	37
5	51
6	64
7	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Софи Ханна Идея фикс

Sophie Hannah
The lasting damage

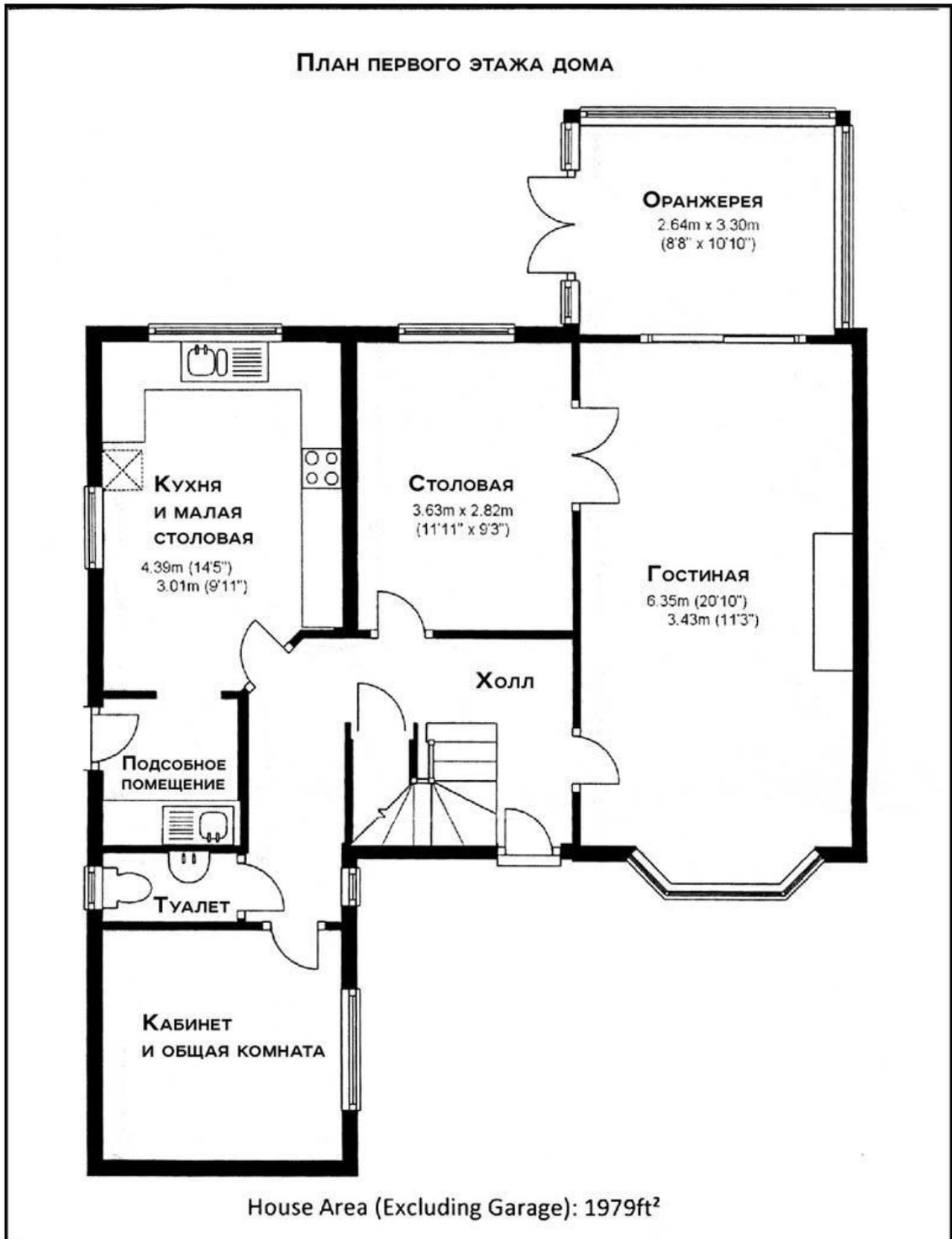
© Sophie Hannah 2011

© Перевод на русский язык, М. Ю. Юркан, 2016

© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство Э», 2017

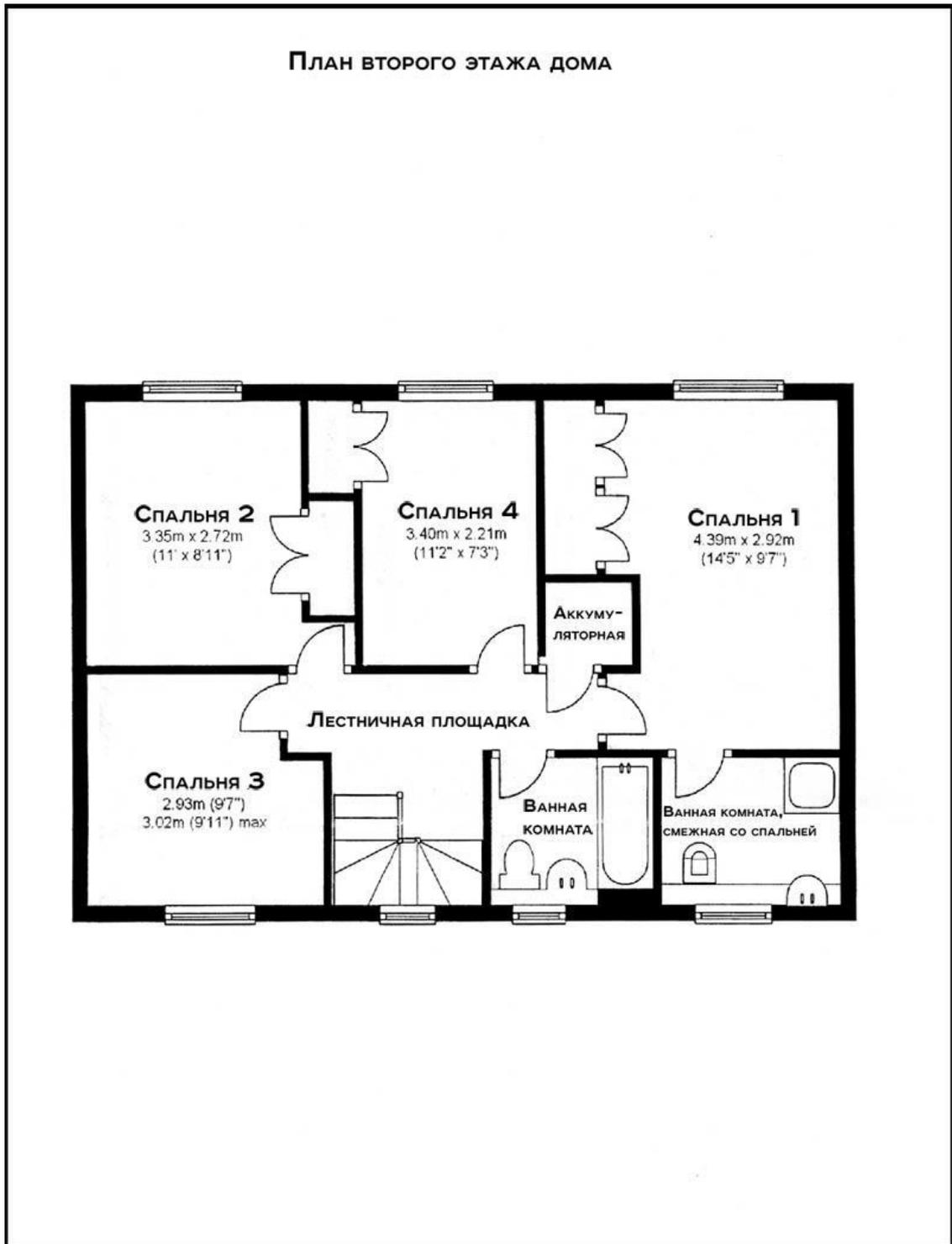
* * *

*Вебсайт агентства недвижимости «Золотая ярмарка»
Дом на продажу: Кембридж, Бентли-гроув, 11*

Жилая площадь (исключая гараж): 1979 квадратных футов¹

¹ 1 квадратный фут равен приблизительно 0,09 кв. м, то есть жилая площадь составляет около 184 кв. м.

Метраж помещений приведен исключительно для ориентации.

Приведенные выше планы этажей дома, размеров дверей, окон и комнат являются приблизительными и дают лишь общее представление о предлагаемой для продажи недвижимости, в силу чего возможны некоторые неточности и упущения. поэтажные планы представлены исключительно в целях рекламы для любых потенциальных покупателей, которые могут заказать точные измерения, обратившись в Королевский институт сертифицированных оценщиков. Агентство не проводило проверок действия сервисного обслуживания, бытовой техники и аппаратуры и не дает гарантии по их эксплуатационным свойствам и эффективности действия.

Суббота, 24 июля 2010 года

Меня вот-вот убьют из-за не знакомой мне семьи по фамилии Гилпатрик.

Семьи из четырех человек: мать, отец, сын и дочь.

– *Элиза, Донал, Риордан и Тилли*, – неожиданно сообщил мне Кит их имена, точно я жаждала быстрее покончить с формальным знакомством, чтобы узнать их получше, хотя единственное, чего мне хотелось, – это с криком выбежать из этой комнаты. – Риордану исполнилось семь лет, – добавил он, – а Тилли – пять.

«Заткнись, ради бога!» – хотелось мне завопить ему в лицо, но я пребывала в таком ужасе, что не смела даже рта раскрыть. Словно кто-то сомкнул мне уста, навечно наложив на них печать молчания, и отныне я больше никогда не смогу вымолвить ни единого слова.

Это судьба. Именно поэтому, именно так, здесь и сейчас, мне предстоит умереть. По крайней мере, я в конце концов поняла причину.

Кит испуган не меньше меня. Даже больше. Потому-то он продолжает говорить, сознавая то, что осознает любой в преддверии неминуемой жуткой кончины: соединение страха и безмолвия превращается в некую новую реальность, в тысячу раз более ужасающую, чем сумма ее слагаемых.

– Да, Гилпатрики, – произнес он, не замечая стекающих по щекам слез.

В зеркале над камином я заметила отражение двери. Она казалась меньше и дальше от нас, чем на самом деле, но я была не в силах даже обернуться и прямо взглянуть на нее. Очертаниями зеркало напомнило мне массивную могильную плиту: прямоугольник, увенчанный дугой свода.

– Мне не верилось в их существование. Сама фамилия казалась выдуманной. – Кит рассмеялся, подавив рыдание. Его била нервная дрожь, и даже голос у него дрожал. – Фамилия Гилпатрик сродни тем, что придумывают сочинители для персонажей романов. Мистер Гилпатрик. Если б только я поверил в его реальность, наша жизнь осталась бы неизменной. Мы продолжали бы благополучно жить. Если б только...

Он стоял спиной к запертой двери гостиной. Из холла донесся топот стремительных шагов, и мы оба слышали их. Они уже в доме...

Неделей раньше

1

Суббота, 17 июля 2010 года

Я лежала на спине с закрытыми глазами, дожидаясь, когда изменится дыхание Кита. Сама я притворялась спящей, стараясь дышать медленно и сонно, в надежде услышать такое же дыхание от него, прежде чем вылезти из постели – вдох и пауза, выдох и пауза – и попытаться развеять одно безобидное заблуждение. Неужели только я способна на такое притворство, или женщины испокон веков вели себя так, сплошь и рядом, по всему миру? Но если другие женщины и притворялись, то, должно быть, по другим, более обыденным, чем мои, причинам: допустим, какой-то плутоватой жене или подруге захотелось тайно послать сообщение очередному любовнику или украдкой выпить на сон грядущий последний, заслуживающий порицания бокал вина, сверх пяти уже выпитых. Обыденные причины. Обыкновенные потребности.

Ни одна женщина в мире не оказывалась в ситуации, выпавшей сейчас на мою долю.

На редкость глупые мысли. Нет вообще никакой особой «ситуации», за исключением той, что ты состряпала в твоём воображении. Ингредиенты: случайное стечение обстоятельств и параноидальный синдром или старозаветная викторианская идея фикс.

Но никакие уговоры внутреннего голоса не срабатывали. Поэтому, ради спокойствия, мне необходимо все проверить. Проверка не равнозначна безумию: безумием стало бы упущение возможности проверки. Ведь если, посмотрев, я ничего не обнаружу, то смогу забыть об этом, признав, что у меня всего лишь разыгралось воображение.

Согласна?

Мне не придется слишком долго ждать начала действий. Кит обычно засыпает, как убитый, вскоре после выключения света. Надо только досчитать до ста... Но я не могу. Не могу заставить себя сосредоточиться на маловажных для меня пустяках. Если бы смогла, то сумела бы вернуться в безоблачное прошлое, навсегда выкинув из головы дом № 11 по Бентли-гроув. Удастся ли мне это в обозримом будущем?

Пребывая в ожидании, я мысленно представила, что именно буду делать. Потом мои мысли переключились на нашу с Китом спальню – что она могла бы поведать о нас совершенно не знакомому с нами человеку? Большая массивная кровать, камин с чугунной решеткой, по бокам от него две одинаковые стенные ниши, где стоят два наших одинаковых гардероба. Киту нравится симметрия. Когда я предложила купить вместо нашей обычной двуспальной кровати одно ложе истинно королевских размеров, он лишь заметил, что тогда не хватит места для двух одинаковых прикроватных тумбочек. А услышав, что я буду рада пожертвовать своей тумбочкой, Кит глянул на меня так, словно я подбивала его на анархию, замыслив уничтожить весь гармоничный упорядоченный мир.

– Нельзя поставить тумбочку только с одной стороны кровати, – убежденно заявил он.

В итоге мы оба пожертвовали тумбочками.

Сначала взяв с меня обещание сохранить его слова в тайне, Кит также признался, что мог бы смириться с неудобством, если бы ему пришлось свешиваться с кровати, складывая на пол книги, часы, очки и мобильник, но спальня, лишенная «правильной симметрии», вызывала бы его неизменное раздражение.

– Ты уверен, что искренне приобщился к компании гетеросексуалов? – поддразнивая, спросила я.

– Либо уверен, – усмехнулся он, – либо притворяюсь таковым ради того, чтобы ежегодно получать присылаемые мне традиционные рождественские открытки. Полагаю, какова правда на самом деле, ты так никогда и не узнаешь.

До самого пола спускались кремовые шелковые шторы. Киту больше нравились римские жалюзи, но и в данном случае я одержала победу. Мне с детства хотелось шелковые занавески, они фигурировали в непрменных мечтах о будущем «собственном доме». При чем шторы в спальне должны стелиться по полу – таков мой взгляд на порядок вещей. По моему, у каждого человека есть по меньшей мере одно незыблемое понятие о правильности, и каждый из нас считает свое представление разумным, а иное мнение – совершенно абсурдным.

Над камином висит вставленная в раму вышитая гладью картина: красный дом на прямоугольном зеленом поле, навевающим мысли о саде. Однако цветы на сплошной травяной заливке заменила витиеватая надпись, вышитая ярким оранжевым цветом: «Коттедж “Мелроуз”, Малый Холлинг, Силсфорд» – а под ней еще одна, более мелкими желтыми буквами: «Конни и Киту, 13 июля 2004».

– Но ведь «Мелроуз» – не красный, – обычно протестовала я, до того как смирилась. – Он ведь построен из светлого известняка. Не думаешь ли ты, что маме взбрело в голову изобразить наш дом истекающим кровью?

Оформив покупку, мы с Китом для краткости называли наш дом просто «Мелроуз»². Теперь, уже давно обосновавшись здесь и досконально, как свои пять пальцев, узнав это жилище, мы дали ему прозвище «Мелодрама».

Что мог бы подумать сторонний наблюдатель, созерцая эту гобеленовую картину?

Может, подумал бы, что после покупки собственного дома мы с Китом, совсем одурев от радости, боялись забыть наши собственные имена? Иначе зачем решили повесить на стену такое напоминание? Сумел бы посторонний человек догадаться, что перед ним подарок, старательно вышитый к новоселью руками матери Конни и что сама Конни считала картину приторно примитивной и упорно сражалась за ее изгнание на чердак?

Но благодаря настойчивости Кита, сохранив преданность родне и лично моей маме, мы все-таки повесили ее подарочек на стену. Кит заявил, что картина идеально подойдет для нашей спальни, поскольку в этом случае гости не увидят ее. По моему, теперь уже он вовсе не замечает сей рукотворный шедевр. А я замечаю – каждый вечер, ложась спать, и каждое утро, просыпаясь. Картина угнетает меня по целому ряду причин. Заглянувший в нашу спальню человек ни за что не догадался бы, какими спорами и компромиссами сопровождался выбор ее обстановки. Никто не заметил бы ни отсутствия так необходимой Киту прикроватной тумбочки, ни картины, которую я мечтала бы повесить над камином, если бы там не пламенел мамин гобелен с отвратительным красным домом.

Следовательно, вид комнаты в чужом доме ни о чем существенном не говорит, и мне нет смысла пытаться что-то проверить, даже теперь, уже дождавшись сонного дыхания Кита. То есть мне тоже следовало бы спать.

Как можно тише я откинула мой край пухового одеяла, вылезла из кровати и на цыпочках прошла во вторую спальню, превращенную нами в домашний офис. Здесь мы занимались нашим бизнесом, и такой выбор не назовешь слишком умным, учитывая, что размер комнаты составляет примерно одиннадцать футов в длину и десять футов в ширину, или чуть больше десяти квадратных метров. Так же, как в нашей с Китом спальне, здесь имелся камин с чугунной решеткой. Но мы умудрились втиснуть сюда два письменных стола, по стулу для каждого из нас и три шкафа для хранения документов. Получив в Регистрационной палате

² Вероятно, название коттеджа связано с названием местечка в популярной в 1992–1999 гг. американской мюзикл-опере «Мелроуз-плейс».

нашу фирменную лицензию, Кит вставил ее в рамочку и повесил на стену напротив двери. В итоге именно на эту лицензию и падал взгляд при входе в комнату.

– Это просто законная необходимость, – пояснил он, отвечая на мои жалобы по поводу скучного и бюрократического вида такой вывески. – Надо же показать, что здесь своего рода штаб-квартира компании. Неужели тебе хочется, чтобы «Нулли» начала свою деятельность с нарушения закона?

«Нулли Секундус Лтд.». Такое название для нашего акционерного общества с ограниченной ответственностью выбрал Кит, и в переводе с латинского оно означает – «Никем не превзойденный».

– Наводит на мысль об искушении судьбы и обреченности нашего провала, – заметила я в ходе обсуждения нами будущего названия, представив, насколько тяжелее с таким самодовольным названием будет переживаться банкротство. Сама я предлагала назвать нашу фирму «К & К Боускилл Лтд.».

– То есть просто *наши* имена, – язвительно произнес Кит, словно я могла упустить такой факт. – Ради бога, задействуй хоть толику воображения! Уверенность тоже способствует успеху. Разве мы запустили наш бизнес в расчете на банкротство? Не знаю, как ты, но я решительно намерен добиться успеха.

В чем еще, Кит, ты добился успеха? Какие достижения ты утаил от меня?

Конни, ты ведешь себя смехотворно. И твоя смехотворность никем не превзойдена!

Я коснулась сенсорной панели моего лэптопа, и тот послушно ожил. Открылся экран с заставкой поисковой системы «Гугл». Я напечатала в строке поиска «дома на продажу», нажала клавишу ввода и замерла в ожидании. Первый появившийся результат поиска предложил мне вебсайт компании «Золотая ярмарка недвижимости», которая, видимо, претендовала на первенство в Соединенном Королевстве по сделкам с недвижимостью. Я щелкнула по выданному адресу, рассудив, что основатели «Золотой ярмарки» во взглядах на саморекламу придерживаются, очевидно, скорее взгляда Кита: их совершенно не волновало возможное унижение при вынужденном банкротстве.

Загрузилась начальная страница вебсайта: выигрышные рекламные фотографии предлагаемых на продажу домов, под каждой из них в ярко-красных рамках множество маленьких снимков с курсором в виде лупы, причем каждая лупа оснащена дополнительной парой глаз. Эти глаза производили жутковатое впечатление, наводя меня на мысль о тайных соглядатаях, которые шпионят друг за другом.

А разве сама ты не тем же занимаешься?

В строке уточнения места я набрала «Кембридж» и щелкнула по экранной кнопке «на продажу». Появился очередной экран, предлагая мне более точный выбор. С нетерпением я продолжила сужать ареал поиска. Радиус: только в этом районе. Тип недвижимости: коттеджи. Число спален: любое. Диапазон цен: любой. Дополнительные позиции... Когда же добавится Бентли-гроув, 11? Я щелкнула по временной кнопке: «Последние 7 дней». Хотя неделю тому назад дом еще не продавался, ведь табличку «Продается» я увидела в его палисаднике только сегодня... вернее, вчера, учитывая, что сейчас уже половина второго ночи.

Постукивая по полу голыми ногами, я коснулась кнопки «Найти недвижимость» и на мгновение закрыла глаза. Открыв их, увидела появившиеся на экране фотографии домов: один – на Чосер-роуд за четыре миллиона фунтов, другой – на Ньютон-роуд за два миллиона триста тысяч. Обе улицы оказались мне знакомы – они находились поблизости от Бентли-гроув, за Трампингтон-роуд. И я прогуливалась там во время моих многочисленных тайных поездок в Кембридж.

Третьим в списке предложений стоял дом № 11 на Бентли-гроув. Его предлагали за миллион двести тысяч фунтов. Меня удивила столь высокая цена. Дом, конечно, выглядел прилично, но не слишком впечатляюще. Очевидно, этот район Кембриджа считался более

престижным, хотя, на мой взгляд, не представлял ничего особенно хорошего, а уж о пробках на Трампингтон-роуд и вспоминать не хочется: там зачастую быстрее дойдешь пешком, чем доедешь. По соседству также находились сетевой супермаркет «Уэйтроуз», индийский ресторанчик, специализированный винный магазин и пара агентств по продаже недвижимости. *А также множество огромных дорогущих особняков.* Если запрашиваемые цены на дома в этом районе города начинаются с миллиона, то значит, должно быть и множество людей, способных заплатить такую цену. Кто же они? На ум мне, сама не знаю почему, пришел вдруг сэр Клифф Ричард³. Кто еще? Владельцы футбольных клубов или нефтяных скважин, пробуренных в собственных садах за домами? Увы, нам с Китом такую цену точно не потянуть, а ведь бизнес наш развернулся на редкость удачно, даже процветал...

Я выкинула эти мысли из головы, отругав себя: «Вот идиотка, ты могла бы сейчас спать. А вместо этого торчишь тут, съезжившись, в темноте за компьютером, сознавая превосходство Клиффа Ричарда. Надо взять себя в руки».

Для уточнения деталей я щелкнула по фотографии так хорошо знакомого мне с виду дома. Не верится, что в мире найдется еще один человек, способный дольше меня разглядывать фасад дома № 11 на Бентли-гроув, – мне известен практически каждый кирпич на его фасаде. Странно, почти поразительно, видеть его фото на моем компьютере – в моем доме, где ему быть не положено.

Приглашаешь врага в дом...

«Нет никакого врага, – твердо сказала я себе. – Займись делом, проверь обстановочку и возвращайся в кровать».

Кит начал похрапывать. Вот и славно. Не представляю, как бы я оправдывалась, если б он застал меня ночью за компьютером, как бы я доказала собственное здравомыслие.

Итак, нужная страничка загрузилась. Меня не заинтересовала панорамная фотография в левой части страницы – ее сделали с другой стороны улицы. Мне нужно было посмотреть внутренние помещения дома. Поочередно я щелкала по мелким снимкам с правой стороны экрана, добываясь их увеличения. Первой мне показали кухню: деревянные столешницы, сдвоенная раковина из глазурованного белого фарфора, лазурно-голубая отделка кухонного «островка» с деревянной столешницей...

Кит терпеть не может эти «островки». Он считает их уродливыми и претенциозными – вычурность, заимствованная у американцев. Он называет их «авокадовыми туалетными наборами будущего». Не прошло и пары недель после нашего заселения в этот дом, а он уже избавился от такого пресловутого кухонного «островка», заказав местному столяру соорудить для нас большой и круглый дубовый стол.

Кита не устроила бы кухня на этой фотографии, раз уж она оснащена столь традиционным «островком».

Разумеется, Кит не стал бы жить там. Его кухня находится на первом этаже – именно там, кстати, находится и твоя кухня.

Я увеличила фото гостиной. Мне уже приходилось заглядывать в гостиную одиннадцатого дома на Бентли-гроув – правда, видела я ее только мельком. Во время одного из посещений Кембриджа я достаточно осмелела – или одурела, зависит от точки зрения, – чтобы открыть калитку, пройти по длинной дорожке, обсаженной лавандовыми кустами и разделяющей газон палисадника на два треугольника, и заглянула в фасадное окно. Боясь, что меня могут застать за этим незаконным вторжением, я не могла толком сосредоточиться. Через пару минут на пороге соседнего дома появился пожилой мужчина в очках с линзами невиданной толщины и устремил на меня свои непомерно увеличенные глаза. Я спешно

³ Сэр Клифф Ричард (р. 1940) – псевдоним известного британского исполнителя популярной музыки Гарри Роджера Уэбба, одним из первых среди англичан начавшего исполнять рок-н-ролл.

ретиrowалась к своей машине, не дав ему опомниться и спросить, что я там делала, однако позже почти ничего толком не вспомнила об увиденной мной комнате, не считая белых стен и серого Г-образного дивана с каким-то затейливо вышитым красным покрывалом.

Сейчас тот же самый диван я видела на экране моего компьютера. Не такой уж он и серый, скорее дымчато-серебристый. И выглядит роскошным и уникальным. Не представляю, что где-то еще есть подобный диван.

Кит обожает все уникальное. По мере возможности, он избегает вещей массового производства. Все кружки на нашей кухне изготовил и разрисовал на заказ один кустарный гончар из Спиллинга.

Любой предмет мебели в гостиной дома № 11 на Бентли-гроув выглядит уникальным в своем роде: например кресло с огромными гнутыми деревянными подлокотниками напоминает днища гребных лодок. Необычен и журнальный столик со стеклянной столешницей – под стеклом там просматривается нечто... похожее на лежачий выставочный стенд с шестнадцатью секциями. В каждом отделении цветочек с красной сердцевинкой и голубыми лепестками, поднявший головку к прозрачной столешнице.

Киту понравились бы подобные изыски. Подавляя вспыхнувшие подозрения, я уговаривала себя, что это еще ничего не доказывает.

Вот и облицованный плиткой камин, над ним большая карта в раме, а по обе стороны от дымохода – одинаковые ниши. Симметричная гармония, вполне в духе Кита. Мне стало немного тошно.

Боже мой, это какое-то безумие! Да разве мало жилых помещений в стране следуют такой основополагающей структуре: камин с дымоходом, а справа и слева от него – ниши? Такая традиционная планировка воспроизводится по всему миру. И она привлекает Кита так же, как и триллионы других людей.

Ты же не увидела его пиджак, наброшенный на перила лестницы, или его полосатый шарф на спинке кресла...

Быстро, желая покончить с делом, я выбросила из головы пространные размышления, сознавая, что от них чувствую себя не лучше, а только хуже – и перешла к просмотру других помещений, увеличивая их изображения. Холл с лестницей, покрытый бежевым ковром, толстые, темного дерева балясины перил... Подсобное помещение с небесно-голубой, как в кухне, панельной отделкой. Медового оттенка мрамор в домашней ванной комнате – безупречно чистой и хвастливо роскошной.

Я щелкнула по снимку, где предполагалось изображение сада со стороны дворового фасада дома. Он оказался значительно больше, чем я изначально воображала, глядя на дом с улицы. Прокрутив рекламу до текста под фотографиями, я узнала, что площадь сада составляет немногим более одного акра. Именно такой садик полностью устроил бы меня: терраса для стола со стульями, двухместные качели под козырьком, большая лужайка, обсаженная деревьями, а за ними – пышные желтые луга. Идиллический сельский пейзаж в десяти минутах ходьбы от центра Кембриджа. Сейчас я начала понимать, почему объявленная цена превысила миллион фунтов. Я не пыталась сравнивать увиденное на вебсайте с садиком коттеджа «Мелроуз», который, грубо говоря, не вместит и половину гаража, рассчитанного на один автомобиль. Впрочем, там хватало места для размещения кованого железного столика с четырьмя стульями, нескольких растений в терракотовых вазонах и еще кое-каких милых пустяков. Ну вот. Я просмотрела все фотографии, увидела все, что можно было увидеть.

И ничего не обнаружила. Теперь убедилась?

Зевнув, я потеряла глаза. Уже собираясь закрыть вебсайт «Золотой ярмарки» и вернуться в кровать, я заметила под снимками заднего сада рядок маленьких экранных кнопок: «Обзор улицы», «Поэтажный план», «Виртуальный тур по дому». Обзор Бентли-гроув можно было не смотреть – я достаточно насмотрелась на нее за прошедшие шесть месяцев, –

однако стоило глянуть на поэтажные планы дома № 11, раз уж я их заметила. Я щелкнула по нужной кнопке, но сразу передумала и прервала загрузку, закрыв открывающуюся страничку. Нет смысла смотреть планы имеющихся там комнат, лучше уж ознакомиться с виртуальной экскурсией. Появится ли у меня ощущение, будто я сама хожу по этому дому, заглядывая в каждую комнату? Именно это мне хотелось бы сделать.

И тогда я смогу убедиться.

Коснувшись этой кнопки, я дождалась загрузки экскурсии. Появилась очередная кнопка воспроизведения, и я щелкнула по ее иконке. Сначала на экране появилась кухня, и я увидела то, что уже видела на фотографии, а потом камера медленно развернулась на триста шестьдесят градусов, сделав полный обзор помещения. Затем последовала еще пара круговых разворотов. От этого вращения у меня слегка закружилась голова, словно я сидела на карусели с испорченным рычагом остановки. Нуждаясь в передышке, я прикрыла глаза. Навалилась жуткая усталость. Поездки в Кембридж и обратно почти каждую пятницу не принесли мне никакой пользы. И конечно, изматывающая физическая нагрузка тут была ни при чем – утомляла меня необходимость конспирации. Но пора продолжить просмотр, и пусть будет что будет.

Опять открыв глаза, я увидела какую-то красноту. Сначала не поняла, что вижу, а потом... *О господи! Этого не может быть. Ох, черт побери, о господи!* Кровь. Посреди комнаты лежала ничком женщина, лежала в огромной луже крови, растекшейся по всему этому бежевому ковру. На мгновение, запаниковав, я ошибочно подумала, что это моя собственная кровь. Я взглянула на себя. Никакой крови. Разумеется, никакой – это же не мой ковер, не мой дом. Это дом № 11 на Бентли-гроув. Гостиная медленно проплывала перед глазами. Вот камин, над ним обрамленная карта, через открытую дверь виден холл...

Мертвая женщина, уткнувшаяся лицом в красное море. Кажется, из нее вытекло целое море крови, вся кровь до капли... Я издала полузадушенный крик. Попыталась позвать Кита, но ничего не вышло. Где телефон? Его нет на базе. Где мой «Блэкберри»⁴? Стоит ли позвонить «999»⁵? С трудом переводя дух, я шарила по столу, сама не зная, что пытаюсь найти. Я не могла отвести взгляда от экрана. Кровь по-прежнему кружилась передо мной, вместе с медленно поворачивающейся мертвой женщиной. *Она, должно быть, мертва. Должно быть, это ее кровь. Красная – ближе к краям и почти черная в центре. Темно-красная, густая, как деготь. Нет, надо остановить это кружение!*

Резко встав, я оттолкнула стул. Он с глухим стуком упал на пол. Желая избавиться от этого зрелища, я попятилась от письменного стола. «Беги, беги!» – вопил мой внутренний голос. В замешательстве я выбрала для отступления неверное направление, удалившись от двери. *Не смотри. Перестань пялиться.* Я ничем не могла помочь той женщине. Моя спина прижалась к стене, что-то твердое вдавилось в кожу. Раздался треск, и теперь что-то билось и хрустело под моими ногами. Острая боль прошла мои босые ступни. Глянув вниз, я увидела осколки стекла. Кровь. На сей раз – моя кровь.

Не помню, как мне удалось выбраться из кабинета и закрыть дверь. Уже лучше – теперь между мной и тем ужасом возведена некая реальная преграда. Кит. Мне нужен Кит. Я вошла в нашу спальню, включила свет и разрыдалась. Как смеет он спать?!

– Кит! – закричала я.

Он застонал. Зажмурился. И с сонной хрипотцой пробурчал:

– Выруби свет. Черт, в чем дело? Сколько времени?

Плача, я стояла перед ним. Ноги мои кровоточили, оставляя следы на белом коврике.

⁴ «Блэкберри» – название торговой марки канадской компании, выпускающей мобильные телефоны и смартфоны, использующие особую систему шифрования сигнала.

⁵ «999» – телефонный номер экстренного вызова полиции, «Скорой помощи» или пожарной команды.

– Кон? – Приняв сидячее положение, Кит протер глаза. – Что происходит? Что случилось?

– Она мертва, – сообщила я.

* * *

– Кто умер? – оживившись, спросил Кит. Пошарив под кроватью, он нашел очки и нацепил их на нос.

– Не знаю! Какая-то женщина, – я всхлипнула, – там, на компьютере!

– Какая женщина? Господи, о чем ты говоришь?! – Отбросив край одеяла, он встал с кровати. – Твои... что случилось с твоими ногами? У тебя там кровь!

– Не знаю... – Это было лучшее, что мне удалось ответить. – Я запустила виртуал... – Мне с трудом удавалось дышать и говорить одновременно.

– Просто скажи мне, всё ли в порядке. С твоей сестрой, с Бенджи...

– Что? – удивилась я. При чем тут вообще моя сестра? – Это не имеет к ним никакого отношения, там какая-то женщина. Я не видела ее лица.

– Кон, ты побледнела... да на тебе лица нет. Привиделся ночной кошмар?

– На моем лэптопе. Она и сейчас там! – Я опять всхлипнула. – Она мертва. Должно быть, мертва. Нам надо позвонить в полицию.

– Дорогая, на твоём лэптопе не может быть никакой мертвой женщины, – заверил меня Кит, и я услышала раздражение в его уверенном голосе. – Тебе просто приснился плохой сон.

– Сходи и посмотри! – завопила я. – Никакой это не сон. Зайди туда, и убедишься сам!

Он вновь глянул на мои ноги, на следы крови на коврике и дальше, на половицах – на череду размазанных красных капель, ведущих к двери спальни.

– Что с тобой случилось? – спросил Кит.

Интересно, насколько виноватой я выгляжу?

– Что происходит? – Озабоченный тон моего любимого исчез, его голос стал жестко подозрительным.

Не дожидаясь моего ответа, он направился в смежную комнату.

– Нет! – невольно вырвалось у меня.

Кит остановился на лестничной площадке. Повернулся.

– Нет? Мне казалось, ты хотела, чтобы я взглянул на твой компьютер.

Я разозлила его. Он злился на все, что нарушало его сон.

И я не могла позволить ему войти туда, ничего не объяснив или хотя бы не попытавшись объяснить.

– Я запустила виртуальный тур по дому одиннадцать по Бентли-гроув, – сказала я.

– Что?.. Что за идиотство, Конни?!

– Выслушай меня. Просто выслушай, ладно? Он выставлен на продажу, дом одиннадцать по Бентли-гроув продается.

– Откуда ты знаешь?

– Ну... просто знаю, понятно?

Я вытерла слезы. Не могу же я плакать, когда меня ругают! Надо собраться с духом, настроившись на защиту.

– Так просто... Конни, ты совсем сбита меня с толку; не представляю, чего ради...

Кит потеснил меня, пытаюсь вернуться к кровати. Я схватила его за руку, чтобы остановить.

– Сердиться будешь потом, но сначала послушай меня. Хорошо? Это все, чего я прошу.

Он высвободил руку. Терпеть не могу, когда он так тарарчит на меня. *Но чего же еще ты могла от него ожидать?*

– Я слушаю, – спокойно произнес мой муж. – Уже шесть месяцев я слушаю твои разговоры о доме одиннадцать по Бентли-гроув. Когда же они закончатся?

– Дом выставлен на продажу, – как можно спокойнее повторила я. – Я нашла его на вебсайте недвижимости «Золотая ярмарка».

– Когда?

– Сейчас, только что... пару минут назад.

– Ты дождалась, пока я усну? – Кит недовольно покачал головой.

– Там выложили виртуальную экскурсию, и я... я подумала...

Нет уж, пожалуйста, не стоит ему говорить, о чем я подумала. Хотя он мог бы и сам догадаться.

– Там, в гостиной, на полу лежит ничком женщина, а вокруг нее кровь, огромная лужа... – Описывая увиденное, я почувствовала явный позыв к рвоте.

Кит отступил, глядя на меня так, как никогда не смотрел прежде.

– Давай уж скажем прямо: ты зашла на сайт «Золотая ярмарка недвижимости», открыла виртуальную экскурсию по дому одиннадцать по Бентли-гроув, который, как ты случайно узнала, выставили на продажу, и увидела там в одной из комнат какую-то мертвую женщину?

– В гостиной.

– Такая выдумка чересчур изобретательна, даже для тебя! – рассмеявшись, заметил Кит.

– Она по-прежнему там, на экране, – напомнила я ему. – Сходи и посмотри, если не веришь мне. – Внезапно меня окатило ледяной волной такого жуткого страха, что я не смогла сдержать дрожи.

Он готов отказаться. Оставит без внимания мой рассказ и опять улечься спать, чтобы наказать меня, поскольку моим словам невозможно поверить. Не может быть там, на вебсайте «Золотой ярмарки», никакой мертвой женщины, лежащей в луже крови.

– Ладно, – Кит вздохнул, – пойду взгляну. Очевидно, ты права, считая меня настоящим доверчивым идиотом.

– Я ничего не выдумывала! – крикнула я ему вслед.

Мне хотелось последовать за ним, но я не смогла сделать ни шагу, осознавая, что он в любой момент, прямо сейчас, может увидеть то, что видела я. От понимания того, что вот-вот произойдет, ожидание казалось невыносимым.

– Потрясающе! – услышала я возглас Кита. Может, он оценил мою историю? – Всю жизнь я мечтал взглянуть глухой ночью на чужую посудомоечную машину!

Посудомоечную машину? Должно быть, этот тур зациклен, и за время моего отсутствия экскурсия закончилась и началась заново.

– Пресловутый кухонный «островок», – ворчал тем временем Кит. – И почему люди так привязаны к стереотипам?

– Гостиная будет после кухни, – поведала я и заставила себя выйти на лестничную площадку. Двигаться дальше у меня не хватало духу. Я невольно затаила дыхание. Жаль, что Киту предстоит увидеть то, что видела я, – никому не пожелала бы увидеть такого! Такого жуткого ужаса. И в то же время мне нужно, чтобы он убедился...

В чем? Убедился в реальности этого кошмара, подтвердил, что это не плод твоего воображения?

Я не страдала галлюцинациями. Никогда. Порой, правда, беспокоилась по пустякам, но это другое дело. Я умею отличать реальность от нереальности. Меня зовут Катриона Луиза Боускилл. Это факт. Мне тридцать четыре года. Тоже факт. Я живу в Литтл-Холлинге, что в Силсфорде, в коттедже «Мелроуз» с моим мужем Кристианом, хотя все зовут его Китом, так же как меня все знают под именем Конни. У нас собственный бизнес под названием «Нулли Секундус». Мы работаем консультантами по вопросам управления производством, вернее,

консультациями занимается Кит. Мой официальный титул – финансовый директор фирмы. Кит целыми днями трудится на благо нашей компании, я же работаю по мере надобности, три раза в неделю. По вторникам и четвергам я помогаю родителям в их фирме «Изысканный интерьер, Монк и сыновья», где числюсь на более старомодной должности: бухгалтером. Моих маму и папу зовут Вэл и Джефф Монк. Они живут в конце нашей улицы. У меня есть сестра Фрэн тридцати двух лет, которая тоже трудится на фирму «Монк и сыновья», заведует отделом драпировок и жалюзи. Она живет со своим партнером, Антоном, и у них есть пятилетний сын, Бенджи. Все это достоверные факты, и так же достоверно – безусловно, достоверно, – что меньше десяти минут тому назад я открыла виртуальную экскурсию по дому № 11 по Бентли-гроув в Кембридже и увидела мертвую женщину, лежавшую на залитом кровью ковре.

– Бинго! Удалось: гостиная, – вновь донесся до меня голос Кита.

От его шутливого тона по спине моей пробежал мерзкий холодок. Как мог он говорить с такой беспечностью? Если только...

– Надо же, какой оригинальный журнальный столик! – продолжал Кристофер. – На мой взгляд, с цветочками немного перестарались. Но никаких мертвецов, никакой крови.

Как же так? Что он говорит? Он ошибается. Я же знаю, что видела!

С трудом открыв дверь, я заставила себя войти в наш кабинет. *Нет. Это невозможно.* Гостиная дома № 11 по Бентли-гроув медленно кружилась на экране, однако никакого трупа там не было – никакой ничком лежащей женщины, никакой лужи крови. Лишь чистый бежевый ковер. Подойдя ближе, я заметила в углу гостиной на ковре слабое пятно, но...

– Это не здесь, – заявила я.

– Я возвращаюсь в постель, – поднявшись со стула, сообщил Кит, и его голос исполнился ледяной ярости.

– Но... как это могло исчезнуть?!

– Никак! – Муж поднял руку и треснул кулаком по стене. – Сейчас мы не станем говорить об этом. У меня появилась отличная идея: давай никогда больше не будем говорить об этом. Давай притворимся, что ничего не было.

– Кит...

– Так не может продолжаться, Кон. Мы не можем продолжать так жить.

Проходя мимо, он отгеснил меня в сторону. Я услышала, как захлопнулась дверь нашей спальни. Слишком ошеломленная, чтобы плакать, я опустилась на стул, еще хранивший тепло Кита, и уставилась на экран ноутбука. Показ гостиной завершился, и я дождалась повторного показа на тот случай, если та мертвая женщина и кровь появятся опять. Это казалось невероятным, но, с другой стороны, случившееся само по себе было невероятным – однако же, оно случилось!

Я просмотрела эту экскурсию по дому № 11 по Бентли-гроув еще четыре раза. Всякий раз, когда исчезала кухня, я сдерживала дыхание. И всякий раз появлялась незапятнанная гостиная – никакой мертвой женщины, никакой крови. В итоге, не зная, что делать дальше, я щелкнула по крестику в правом углу экрана, закрыв виртуальный тур и выйдя из Интернета.

Невозможно.

Один последний раз, начну все с нуля... Я опять щелкнула по иконке Интернета, вернулась на сайт «Золотой ярмарки недвижимости», повторив все мои предыдущие шаги: вновь нашла выставленный на продажу дом № 11 по Бентли-гроув, вновь щелкнула по кнопке виртуального тура и просмотрела его. Никакой женщины. Никакой крови. Все-таки Кит прав. А я по-прежнему ошибаюсь...

Я закрыла свой ноутбук. Надо было убрать осколки стекла и отмыть реальную кровь с моего собственного ковра. Глянув вниз, я увидела на полу разбитую рамку с лицензией

компании «Нулли». Потрясенная видом той мертвой женщины, я, должно быть, нечаянно сбросила рамку со стены. Кит огорчится. *Как будто ему и без того не хватало огорчений.*

Новую рамку для сертификата сделать просто. Но далеко не просто решить, что делать с исчезновением мертвой женщины, которая могла быть, во-первых, лишь твоей фантазией...

Насколько я понимала, у меня имелись два варианта. Можно либо попытаться забыть об этом, убедив себя, что увиденная мной жуткая сцена существовала лишь в моем воображении. Либо позвонить Саймону Уотерхаусу.

* * *

Вещественное доказательство №: СВ13345/432/19IG

Кавендишская начальная школа.

Ведомость занятия № 581

Дата: понедельник, 19 октября 2009 года

Тема: «Осенние размышления»; класс миссис Кеннеди

Каштаны...

Снаружи шелковисто-скользкие,
Бархатистые и коричневые, как шоколадки,
С красновато-рыжим отливом.
У них блестящие жесткие скорлупки,
Гладкие и холодные на ощупь.
Мне нравится осень, потому что
Осенью деревья роняют каштаны.
Я очень люблю каштаны!

Сочинение Риордана Гилпатрика

Каштаны

Они падают с деревьев,
Попадают прямо по голове.
Из них можно сделать бусы,
Можно бросаться ими,
Можно собирать их
И складывать к себе на полку.
Зеленовато-коричневые, оранжево-красные, такими бывают
цвета...
Каштанов!

Сочинение Эмили Сабайн

Вы оба – молодцы, вам удалось вызвать реальный образ Осени в нашем воображении!

Спасибо вам!

2

17 июля 2010 года

Азартный по натуре, детектив-констебль Крис Гиббс мог бы поспорить с убежденностью Оливии в том, что портье обеспечит их очередной выпивкой, хотя бар в отеле, подобно множеству прочих подобных заведений, уже давно официально закрылся. К счастью, он ошибался.

– Только еще одну крошечную рюмочку на сон грядущий, – проворковала Оливия таким заговорщицким тоном, будто открывала ему сокровенную тайну.

Какой странный голос! Вряд ли он дан ей от природы. Да и сама она выглядела далеко не естественной.

– Ладно, может, и не такой уж крошечный, – быстро поправилась Оливия, добившись принципиального согласия. – Ты по-прежнему предпочитаешь шотландский односолодовый виски, верно? Двойной «Лафройг» для Крисси и двойной сладенький «Бейлис» для меня, раз уж у нас нынче праздник...

Гиббс напрягся. Никто прежде не называл его «Крисси». Ему хотелось попросить впредь не называть его так, но он решил, что, пожалуй, не стоило заострять на этом внимания. Черт! Неужели портье подумает, что ему нравится обращение «Крисси»? Он надеялся, что недовольство на его лице очевидно показало исключительно негативное отношение к этому дурацкому сокращению.

В ожидании напитков Оливия вальяжно облокотилась на стойку бара, благодаря чему ее декольте приоткрыло очередную порцию ложбинки мирового класса. Гиббс заметил, что портье исподтишка оценил дамские прелести. Все мужчины обычно так и поступают, однако никто не делал этого так мастерски, как Гиббс, по его собственному, не страдающему излишней скромностью мнению.

– И оба безо льда, – бросила Оливия. – О, а вы что предпочитаете... не стоит обделять и себя! Налейте себе какого-нибудь самого классного, на ваш вкус, горячительного!

Гиббс порадовался тому, что она уже изрядно пьяна. Раньше, трезвая, она казалась чересчур шикарной для него, зато он знал, как вести себя с пьяными – ему частенько приходилось задерживать их. Правда, большинство пьяниц не носили вычурные золотые наряды, которые стоили, по словам самой Оливии, две тысячи фунтов. По здравом размышлении, Крис выразил сомнение, услышав об этом, и она посмеялась над ним.

– Вы крайне любезны, мадам, но мне и без алкоголя хорошо, благодарю вас, – ответил портье.

– Разве я не просила не класть лед? Не помню, вроде сказала – или только подумала... Ах, вечно со мной так. Никто из нас не любит лед, верно? – Оливия повернулась к Гиббсу и, не став дожидаться его ответа, вновь взглянула на служащего. – Мы и не предполагали, что у нас есть нечто общее... короче, взгляните на нас! Мы такие разные! Но вот оказалось, что мы оба не любим лед.

– Как и многие другие, – с улыбкой заметил портье.

Может, больше всего на свете ему нравилось торчать тут всю ночь, одетым, как дворецкий двадцатых годов прошлого века, обеспечивая выпивкой развязную шикарную дамочку и недружелюбного «фараона», постепенно становившегося все мрачнее.

– Хотя, с другой стороны, многим лед нравится, – добавил он.

«Наливай поживей выпивку и избавь нас от занудных наблюдений», – мысленно проворчал Гиббс.

Он завладел своим «Лафройгом» и, направившись обратно к их столику, снова услышал голос Оливии.

– А вы не хотите поинтересоваться, что мы празднуем? – спросила она портье.

Полицейский не знал, поступает ли он невежливо, оставляя ее одну. Может, ему следовало бы вернуться к стойке, но он практически мгновенно решил, что ему плевать на чертову вежливость. Если Оливия с этим двойником Дживза⁶ хотят заболтать друг друга до смерти, то у них есть на то все шансы. А Гиббс поимел виски, добавочную дозу, которую уже и не надеялся получить, – и теперь у него есть все, что нужно.

– Мы нынче отметились на свадьбе, и знаете что?.. – громогласно вопрошала у него Оливия за спиной. – Там больше никого не было! Естественно, кроме жениха и невесты. Невестой была моя сестрица Чарли. Мы с Крисом удостоились чести быть свидетелями и единственными гостями.

Теперь уж она обошлась без «Криси». И на том спасибо.

– Они выбрали каждый своего, – продолжила Оливия. – Чарли выбрала меня, а Саймон выбрал... Простите, я уже упоминала о Саймоне? Он теперь стал мужем моей сестры... с сегодняшнего дня! Саймон Уотерхаус. Классный жених, – она произнесла это таким тоном, словно портье непременно должен был слышать о нем.

Гиббс испытал легкое раздражение: вероятно, его просто кольнуло то, что его спутница не закончила фразу: «а Саймон выбрал... Криси». Вполне очевидное окончание, хотя она и не произнесла его имени. Ежели они выбрали каждый по одному свидетелю, и Чарли выбрала Оливию, то Уотерхаус, соответственно, выбрал Гиббса. И отельному портье вовсе необязательно было знать об этом. Знал он о том или не знал, факт оставался фактом.

Вчера, перед тем как отправиться на приморский курорт Торки в графстве Девоншир, Крис спросил свою жену Дебби, что она думает по поводу того, почему Уотерхаус выбрал в свидетели именно его. «А почему бы и не тебя?» – бросила Дебби, не оторвав взгляда от рубашки, которую гладила, явно не заинтересованная в обсуждении данного вопроса. Сейчас ее волновали лишь вопросы, связанные с ЭКО⁷. Во вторник она ездила в центр эмбрионального переноса – и ей имплантировали парочку, образцово здоровых эмбрионов. Гиббс молил бога, чтобы дело не закончилось двойней. Один ребенок... уже и без того плохо? Нет, не плохо, конечно. Однако трудно. А если эти эмбрионы не приживутся, если Дебби по-прежнему не забеременеет после всех пережитых ими трудностей и заплаченных денег, то жизнь станет гораздо труднее. Труднее всего терпеть бесконечные разговоры об отсутствии ребенка, они чертовски доставали Гиббса, и при этом он даже не мог позволить себе сказать, что достают. Но больше они его не волнуют. Поначалу он с воодушевлением одобрил идею заведения ребенка, думая, что это будет непосредственно и просто, но когда простота обернулась нескончаемым ночным кошмаром, то не стоило больше и беспокоиться. Что такого особенного в его или Дебби генах, раз уж они нуждались в особом переносе?

Оливия плюхнулась на стул рядом с ним.

– Он оставил бутылки на барной стойке на тот случай, если нам понадобится дозаправка; сказал, что рассчитаемся утром. Какой славный парень!

Раньше Крис пожелал бы, чтобы она перестала громогласно изливать свои чувства и утихомирилась, но сейчас, когда они остались одни, это уже не имело значения. Музыка умолкла больше часа тому назад. Тогда же погасли настенные светильники и включились яркие люстры. Возникло ощущение, что в баре уже наступило завтрашнее утро, несмотря на то, что нынешняя ночь, по мнению Гиббса, по-прежнему продолжалась.

⁶ Дживз – олицетворение идеального слуги, по фамилии безупречного и умного камердинера в комических романах знаменитого английского писателя – сэра Пелама Гренвилла Вудхауса (1881–1975).

⁷ ЭКО – экстракорпоральное оплодотворение.

– Итак, что же ты все-таки собиралась сказать мне? – спросил он Оливию.

– Сказать? Тебе?

– Где они... Уотерхаус и Чарли.

Крис полагал, что если его собеседница это знала, то сам он тоже имел право знать. Как двум свидетелям, им следовало бы иметь равный доступ ко всей важной информации.

– Если я не захотела сообщить это тебе в десять часов, или в одиннадцать, или в полночь, или в час ночи, то чего ради мне сообщать об этом сейчас?

– Теперь ты достаточно много выпила. Твоя оборона ослабла.

– Моя оборона никогда не слабнет, – приподняв бровь, Оливия рассмеялась. – Чем слабее она кажется, тем крепче становится. Если такая логика не покажется тебе странной, – она подалась вперед. *Ложбинка игриво подмигнула Гиббсу.* – Кстати, почему вы называете его Уотерхаусом?

– Такая у него фамилия.

– Почему вы не зовете его Саймоном?

– Не знаю. Мы называем друг друга по фамилиям: Гиббс, Уотерхаус, Селлерс... Так у нас принято.

– А вот Сэм Комботекра считает иначе, – заметила Оливия, – он называет тебя Крисом... я сама слышала. А Саймона называет Саймоном. И Саймон зовет его Сэмом, но вы с Селлерсом упорствуете... вы по-прежнему кличете его Степфордом⁸. Придумали ему дурацкое прозвище и никак не отвяжетесь от него, – прищурилась Оливия. – Ты боишься перемен.

Гиббс удивился разительной перемене, произошедшей с этой якобы опьяневшей болтушкой. Очевидно, она была не настолько пьяна, как он думал.

– А что, по-моему, приличное прозвище, – ответил он. – Для меня он навсегда останется Степфордом.

Похоже, пора заканчивать с выпивкой и отправляться на боковую, забыв про оставленные для них в баре бутылки. Насколько он понимал дамочек типа Оливии Зейлер, ее вряд ли интересовало то, что он может сказать. И такое понимание затрудняло общение с ней.

– Разве тебя не удивило, что мне известно, как вы друг к другу обращаетесь, хотя я не работаю с вами? – поинтересовалась она.

– В общем, не особенно.

– Гм... – недовольно хмыкнула женщина. – А почему, как ты думаешь, Саймон выбрал тебя, а не Сэма? В свидетели.

Крис постарался не выдать своих подлинных чувств, сделав вид, что это не имеет для него никакого значения.

– Я знаю об этом не больше твоего, – равнодушно ответил он.

– Понятно, к примеру, почему он не выбрал этого завязатого распутника, Колина Селлерса, – заявила Оливия. – Саймон, вероятно, подумал, что можно и сплзнуть их с Чарли свадьбу, если привлечь к ритуалу столь неразборчивого прелюбодея.

– Вот глупость! – откликнулся Гиббс. – Личные дела Селлерса никого не касаются.

«Похождения Прелюбодея» – в главной роли детектив-констебль Колин Селлерс. Детектив Колин Селлерс возвращается во второй серии «Звезданутый Прелюбодей». Крис улыбнулся собственным мыслям. Он только что почерпнул совершенно новое слово для издевательского прозвища. Жаль, что сам до него не додумался.

– Итак, сбросив со счетов Колина, Саймон выбирал между тобой и Сэмом, – продолжила Оливия. – Сначала я подумала, не отказался ли он от Сэма из-за его болтливости. Ведь он знал, что они с Чарли упорхнут в середине вечера, оставив нас вдвоем, – меня и второго

⁸ Степфорд – отсылка к сатирическому роману американского писателя Айры Левина (1929–2007) «Степфордские жены» (1972) – синоним услужливого, нерассуждающего конформизма.

свидетеля. Может, Саймон с досадой подумал о том, как мы с Сэмом будем перемывать ему косточки после их отъезда.

– Степфорд не любит сплетничать, – заметил Гиббс.

– Обычно, может, и не любит, но со мной стал бы, особенно после пары бокалов. Хотя сам он не назвал бы такой разговор сплетнями, скорее – *обсуждением*, ну ты ж понимаешь, как обычно бывает.

– По-твоему, меня выбрали из-за того, что я не болтаю лишнего?

– Лишнего? – Зейлер усмехнулась. – Да из тебя и слово-то с трудом вытянешь! Такое впечатление, что ты считаешь своим долгом говорить как можно меньше. Но в любом случае, причина не в этом, это лишь моя первая гипотеза. – Она глотнула ликера. – Вторая заключалась в том, что Саймон сбросил Сэма со счетов на основании его более высокого статуса – приглашение начальника свидетелем на свадьбу могли счесть подхалимажем, хотя такая мысль ему и в голову не забредала... Я еще не встречала менее склонного к лести человека, чем Саймон, и он способен возненавидеть любого, кто подумает иначе.

Итак, Селлерс не у дел, и Степфорд не у дел. Значит, оставался только Гиббс.

– Потом я решила – моя третья гипотеза, – что Саймон выбрал тебя, поскольку уважает тебя больше, чем Сэма, даже если считает Сэма славным парнем, – разглагольствовала женщина. – Он считает тебя более сообразительным. Или, может, больше под стать ему. Ты – головоломка, а Сэм – открытая книга.

Крис не мог понять, почему выбор Саймона так заинтересовал его собеседницу. Кажется, она придавала этому не меньшее значение, чем он сам, и достигла большего успеха на пути к пониманию: три версии против его полного недоумения.

– Не люблю терзаться неизвестностью, поэтому я подговорила Чарли спросить у него, – поведала Оливия.

Пальцы Гиббса сильнее сжали стакан.

– И?..

– Саймон сообщил ей, что ты ближе ему по духу, чем Колин и Сэм, – рассмеялась Зейлер. – Его ответ показался мне на редкость забавным, поскольку, готова держать пари, вы с ним никогда даже не говорили ни о чем, кроме работы.

– Верно, – подтвердил Гиббс.

Допив виски, он отправился за новой порцией, не желая замечать внезапного улучшения своего настроения или размышлять над его причинами.

– Если уж ты так сообразительна и разговорчива, почему не сообщишь мне, где теперь наша счастливая парочка? – спросил он. – Я же не стану выбалтывать тайну матушке Уотерхауса.

Крис встречался с Кэтлин Уотерхаус только раз, на вечеринке по поводу помолвки Чарли и Саймона. Она показалась ему скромной, непритязательной – такого рода неприметные люди обычно сливаются с фоном. Гиббс не понимал, почему ее лишили возможности присутствовать на свадьбе сына и почему так важно, чтобы она не узнала, где он проведет свой медовый месяц.

– Я отвечу на любой вопрос, кроме этого, – извиняющимся тоном ответила Оливия. Прости, но Чарли заставила меня дать клятву.

– А я не задаю тебе никаких других вопросов. Я задаю лишь один вопрос и буду продолжать задавать. Хотя, подозреваю, мне известно, где они. Не велика хитрость.

– Вряд ли, если только у тебя не открылся дар ясновидения. – Теперь Зейлер выглядела встревоженной.

– Ты уже пыталась сбить меня со следа, упомянув, что они «упорхнули». Но ведь они никуда не улетели, верно? Они еще здесь, – Гиббс ухмыльнулся, довольный своей версией.

– Здесь? Ты имеешь в виду в Торки?

– Здесь: в отеле «Голубого горизонта»... последнем месте, где я ожидал бы их присутствия после шикарного представления их отъезда несколько часов тому назад.

Оливия закатила глаза, изображая шутливое возмущение. Или, может, реальное.

– Их нет в Торки, и тем более в отеле «Голубого горизонта», – возразила она. – Это ведь отель «Голубой горизонт»?

Может, она издевается?

– Да, так я и сказал.

– Нет, ты назвал его «Отелем Голубого горизонта».

– Он и называется «Голубой горизонт», этот отель, – раздраженно возразил Гиббс. – Что и означает отель «Голубого горизонта».

– Нет, ничего подобного, в данном случае название не склоняется, – Оливия взирала на собеседника с такой пристальной подозрительностью, словно он прилетел с другой планеты. – «Голубой горизонт» – это название первоклассного учреждения, вот что это такое. А назови его «Отелем Голубого горизонта» – и он превратится в замшелый пансион «Ночлег и завтрак» на морском побережье.

– Ладно. Полагаю, я слишком замшел для понимания столь тонких различий.

– Нет, не замшел... О господи, какая же я идиотка! Теперь я обидела тебя, и ты опять умолкнешь, а мне ведь едва удалось спровоцировать тебя на разговор.

– Я собираюсь отправиться спать, – откликнулся Гиббс. – Сил больше нет тебя слушать. Ты похожа на красочное воскресное приложение к будничной газете – полное самой разнообразной и дерьмовой информации.

Глаза Оливии расширились. Она молча уставилась на него.

Черт! И как тут закончишь свадебный денек на мажорной ноте?

– Послушай, я не имел в виду...

– Всё в порядке. Вероятно, я заслужила столь дерьмовую оценку! – оживленно воскликнула женщина. – Весьма символично... заядлый молчун умудряется выдать одно высказывание, и оно оборачивается для меня ужасным сравнением, дабы по меньшей мере целый грядущий год я жила с таким дерьмовым мнением о себе.

– Да я вовсе не имел в виду ничего плохого! – пошел на попятный Гиббс. – Просто высказал своеобразное замечание.

– Так тебе хочется узнать, где сейчас Саймон и Чарли? Прекрасно. Я придумала оригинальный выход, ничего не говоря, – я могу показать тебе фотографию их виллы.

Оливия выудила из сумочки свой мобильник и принялась нажимать кнопки. Ждала ли она, что Гиббс скажет: «Нет, забудь, это не имеет значения»? Если и ждала, то не дождался. Если уж у него имелось такое желание раньше, то почему оно должно измениться сейчас только из-за того, что она огорчилась и рассердилась на него?

Видимо, перебрав несколько фотографий, Зейлер подсунула Крису экран своего мобильного.

– Вот смотри. «Los Delfines»⁹ – вилла для новобрачных.

Гиббс взглянул на маленькую фотографию шикарного белого двухэтажного здания, где с легкостью разместилась бы пара десятков человек. Большинство окон украшали цветущие балконы, а вокруг раскинулся роскошный сад. Барная беседка с террасой для барбекю, плавательный бассейн, выглядевший достаточно большим для олимпийских соревнований, – и все залито ярким солнечным светом.

– Испания? – предположил полицейский.

– Пуэрто-Банус. В окрестностях Марбельи.

– И вся эта роскошь в их личном пользовании? Однако, неплохо!

⁹ «Дельфины» (исп.).

– Страховка от всех видов несчастья, – с недовольным видом ворчливо добавила Оливия. – Гарантированное счастье ценой в пятнадцать тысяч. Разве можно быть несчастным в таком раю?

– А с чего им вообще быть несчастными? У них же медовый месяц!

Гиббс не ждал от Зейлер никакого отклика, но она, помолчав, все же ответила:

– Чарли годами копила недовольство, будучи не в силах добиться нормального общения с Саймоном во всех известных смыслах. Теперь, когда они поженились, она добьется своего. Порой, правда, получая желаемое, перестаешь его желать.

– Порой перестаешь желать желаемое еще до того, как получишь, – парировал Гиббс.

– Ты так думаешь? У меня иное мнение.

– Моя жена Дебби копила недовольство – как ты выразилась, будучи не в силах заиметь ребенка. Теперь я уже перестал желать его.

– А она? – спросила Оливия.

– Нет... – буркнул Крис. *Если б только...*

– Вот видишь, сам понимаешь. И прежде всего, вероятно, ты сам не считал появление ребенка особо важным.

– Поднимешься со мной? – спросил Гиббс.

– Наверх?

– В мой номер. Или в твой.

– Зачем? – поинтересовалась Оливия.

– А зачем бы ты думала?

«Неужели она решила прикинуться дурочкой? – подумал Крис. – Разве трудно узнать недурную идею, когда она приходит в голову?»

– Так зачем? – вновь спросила Зейлер.

– Могу пояснить: «Затем, что разок, чисто для разнообразия, я предпочел бы заняться сексом с женщиной, не одержимой жадной беременностью». Или, лучше сказать: «Потому что я пьян и возбужден». Или: «Сегодня – особый случай, а завтра мы оба вернемся к обычной жизни». Или тебе больше понравится: «Потому что я еще не встречал такой красивой и соблазнительной женщины»? Рискованно... ты можешь не поверить мне.

Оливия задумчиво нахмурилась.

– В идеале, тебе следовало бы молча прокрутить все варианты ответов в таинственных глубинах твоего ума. А не озвучивать мне все подряд.

В таинственных глубинах твоего ума. Она не одобрила обилие вариантов. А не все то, что он высказал.

Полицейский отобрал у нее рюмку и поставил на столик.

– Соглашайся, – подначил он. – Будь проще.

3

Суббота, 17 июля 2010 года

– Почему вы хотели поговорить с Саймоном Уотерхаусом? – спросил детектив, назвавшийся Сэмом.

Его длинная и необычная фамилия начиналась на букву «К» – и, представившись, он называл ее. Правда, мне не удалось ни запомнить, ни разобрать толком эту фамилию, а переспросить я не решилась. Но мне приглянулся этот высокий и симпатичный смуглый брюнет. Его белую рубашку с тонкими лиловыми прожилками, напоминавшими пробитые перфорацией строчки, дополнял строгий черный костюм. Правда, он обошелся без галстука. Мой взгляд невольно застыл на его кадыке. Тот так резко выделялся, что, казалось, может прорезать кожу его горла. Мне вдруг представилось, как этот кадык прорезает его шею, порождая фонтанирующую струю крови. Тряхнув головой, я постаралась избавиться от этой нездоровой фантазии. Неужели детектив хочет, чтобы я повторила ему сказанное?

– Я видела женщину, она лежала ничком в...

– Вы неверно меня поняли, – мягко прервал он, и его вежливая улыбка явно показывала, что ему не хотелось меня обидеть. – Я хотел уточнить, почему вы хотели видеть именно Саймона Уотерхауса?

Кит готовил нам чай на кухне. К моему облегчению. В его присутствии, признаться, я затруднилась бы с ответом на этот вопрос. Если б я не испытывала жуткий страх, ситуация вообще могла бы показаться забавной, подобной своеобразному загадочному фарсу «Полицейский, заглянувший на субботний чай». Он явился к нам утром, в начале девятого, и нам следовало бы, наверное, предложить ему завтрак. Как любезно, что он приехал так быстро! Может, Кит сообразит принести вместе с напитками круассаны? Если не сообразит, то я вряд ли сумею исправить положение. Пока я способна думать только о той мертвой женщине. Кто она? Может ли кто-то, кроме меня, знать или переживать о том, что ее убили?

– Последние шесть месяцев я посещала одного гомеопата, – рассказала я. – У меня появились легкие проблемы со здоровьем, ничего серьезного.

Зачем мне понадобилось сообщать гостю об этом? Я чуть не добавила, что проблемы связаны с моим психологическим состоянием и что мой гомеопат является также и психоаналитиком. Желание скрыть правду расстроило меня, заставило злиться на саму себя, на Кита, на Сэма К. и на весь мир. Нет ведь ничего постыдного в потребности выговориться перед кем-то, пытаюсь разобраться в собственных проблемах!

Тогда чего же ты стыдишься?

– Элис, мой гомеопат, посоветовала мне поговорить с Саймоном Уотерхаусом. Она сказала...

Не объясняй ничего. Ты настроишь его против себя.

– Продолжайте. – Сэм К. всячески выказывал любезность и дружелюбие.

Я решила вознаградить его усилия честным ответом.

– Она сказала, что он не похож на других полицейских. Сказала, что он способен поверить в невероятное, если уж оно и правда случилось. И я говорю правду. Я видела мертвую женщину в той комнате. Не представляю, почему она... почему она исчезла оттуда, когда Кит зашел взглянуть на нее. Я не могу найти объяснений, но это не значит, что их вовсе не существует. Какое-то объяснение обязательно должно быть.

Сэм К. кивнул. Выражение его лица оставалось непроницаемым. Может, он считает важным поощрять сумасшедших? Если он думает, что я безумна, то уж лучше бы так прямо

и сказал: «Вы, миссис Боускилл, психически ненормальны». Я предложила ему называть меня Конни, хотя, по-моему, он считал это неудобным. Но поскольку я попросила об этом, он предпочел вообще обходиться без имен.

– А где Саймон? – спросила я.

Сегодня ночью я звонила ему на мобильник, но его записанный на автоответчик голос сообщил, что сам он на данный момент не доступен – без объяснения, долго ли его не будет или почему его нет, – и предложил в случае срочной необходимости позвонить его коллеге. Как оказалось, это был телефонный номер Сэма К.

– У него медовый месяц, – ответил наш гость.

– Ах... – удивленно воскликнула я, подумав: «Он не говорил мне, что собрался жениться. Наверное, не видел смысла посвящать меня в свои личные дела». – И когда же он вернется?

– Он уехал на пару недель.

– Жаль, а я еще звонила ему в два часа ночи, – призналась я. – Приличней было бы дождаться утра, но... Кит ушел спать, а я не могла просто сидеть, ничего не делая. Мне необходимо было поговорить с кем-то о том, что я видела.

Две недели. Естественно... такой отпуск обычно дают после свадьбы. Мы с Китом отдыхали даже дольше: три недели на Шри-Ланке. Помню, мама спросила, есть ли «насушная необходимость» в третьей неделе. А Кит вежливо, но твердо ответил, что есть. Он сам все спланировал и не принял во внимание найденные ею огрехи в его плане. Он выбрал такие прекрасные отели, что мне едва верилось в их реальность, – они казались волшебной сказкой. И мы прожили по неделе в каждом из них. Последний выбранный им отель порадовал бы маму символическим названием: «Насушная необходимость». И Саймон Уотерхаус тоже имел полное право на медовый месяц, так же, как Кит – на спокойный сон. Так же, как Сэм К. имел право разобраться с моими тревогами как можно быстрее и раньше, чтобы успеть отдохнуть в свой законный субботний выходной. Невозможно, чтобы меня подвели все, с кем я пыталась связаться; должно быть, я сама совершила какие-то ошибки.

– В голосовом сообщении он не назвал вашего имени... только номер телефона, – добавила я, – и мне подумалось, что, возможно, это телефон какого-то частного детективного агентства, работающего по типу врачебной «Скорой помощи».

– Не стоит волноваться, успокойтесь. Правда. Приятно для разнообразия ответить на звонок, вызванный срочной необходимостью, который исходит не от матери Саймона.

– А с ней всё в порядке? – спросила я, предположив, что от меня ждут такого вопроса.

– Зависит от точки зрения, – улыбнулся Сэм К. – Саймон укатил в отпуск только вчера, а она уже успела позвонить мне дважды и с плачем пыталась меня убедить, что ей совершенно необходимо поговорить с ним. Саймон предупредил ее, что они с Чарли выключат свои мобильники, но, по-моему, она не поверила ему. А теперь не верит мне, когда я говорю, что не знаю, где он отдыхает, хотя это правда.

Я прикинула, что Чарли – это, видимо, тот, кто разделяет с Саймоном Уотерхаусом медовый месяц, будь то мужчина или женщина. Впрочем, это никого не касается.

Кит присоединился к нам, принеся деревянный поднос с чайным сервизом и вазочкой с шоколадным печеньем.

– Угощайтесь сами, пожалуйста, без церемоний, – предложил он Сэму К. – До чего вы дошли?

Ему хотелось успешного завершения дела и ясных решений. Хотелось услышать, что этот специалист излечил его жену от безумия за те десять минут, что сам он провел на кухне.

– Я дожидался вас, чтобы прояснить ситуацию, – расправив плечи, сказал Сэм, переводя взгляд с Кита на меня. – С удовольствием помогу вам всем, чем смогу. Можно будет связать вас с нужным человеком, если вы решите действовать дальше, но... самому мне

не положено заниматься этим делом. Кстати, как и Саймону Уотерхаусу, даже если б он не отправился в медовый месяц, и даже если б...

Не закончив предложения, полицейский прикусил губу. Вероятно, он удержался от слов: «Даже если б ваша невероятная история не граничила с собачьим бредом».

– Если в каком-то доме Кембриджа находится раненая или мертвая женщина, то вам нужно поговорить с полицией Кембриджшира, – заключил он.

– Не раненая, – уточнила я, – а мертвая. Человек не может потерять столько крови и остаться в живых. Да, мне хотелось бы поговорить с нужным специалистом... надеюсь, вы подскажете мне фамилии каких-то людей и скажете, где я смогу найти их.

Неужели Кит вздохнул – или это у меня разыгралось воображение?

– Хорошо, – налив себе чай, Сэм К. достал блокнот и ручку. – Почему бы нам не уточнить некоторые детали? Значит, интересующий нас дом находится на Бентли-гроув?

– Да, Кембридж, Бентли-гроув, дом номер одиннадцать. Почтовый индекс СВ-два девять-АВ, – сказала я.

Вот видишь, Кит? Я даже помню наизусть почтовый индекс.

– Расскажите мне подробно, Конни, как это произошло. Своими словами.

А чьи еще слова я могла бы использовать?

– Я просматривала вебсайт недвижимости «Золотая ярмарка».

– В какое время?

– Поздно. В четверть второго ночи.

– Не возражаете, если я спрошу, почему так поздно?

– Иногда на меня нападает бессонница.

Черты лица Кита на мгновение исказила усмешка – она скользнула по его губам так мимолетно, что ее заметила только я. Наверняка он подумал: «Если это правда, то ты сама виновата, нечего забивать голову навязчивыми идеями и терзаться воображаемыми проблемами. А вот я здоров и нормален, поэтому сплю хорошо».

Почему же, зная его настолько, чтобы читать мысли, я в то же время боюсь, что совершенно не знаю его? Если б я взглянула на своеобразную рентгенограмму личности своего мужа, то, возможно, увидела бы лишь мелкие известные мне особенности – его убежденность в том, что чай из заварочного чайника вкуснее и что для лучшего вкуса нужно первым делом налить в чашку молока, его целеустремленность и перфекционизм, его сюрреалистическое чувство юмора... Или же вместо этого я увижу сгусток таинственной и черной массы, злокачественный и ужасающий?

– Почему вы выбрали именно вебсайт недвижимости и почему именно в Кембридже? – спросил меня Сэм К. – Вы подумываете переехать туда?

– Определенно нет, – выразительно заявил Кит. – Мы купили этот дом шесть лет тому назад и только что закончили приводить его в порядок. Поэтому мне хотелось бы, по крайней мере, достаточно долго пожить здесь в свое удовольствие. В начале пути я говорил Конни: если в ближайшие шесть лет у нас появится ребенок, то ему придется спать в ящике карто-течного шкафа, – усмехнувшись, он взял из вазочки печенье. – Я вложил в этот дом столько сил не для того, чтобы тут же продать его, предоставив другим наслаждаться нашими достижениями. К тому же мы ведем здесь бизнес, и Конни слегка увлеклась, приобретя такое множество фирменных принадлежностей, что мы просто не сможем никуда переехать, пока не напишем еще как минимум четыре тысячи писем.

Я заранее поняла, что за этим последует: полицейский явно спросит о «Нулли», а Кит даст ему обстоятельный ответ. Ведь невозможно в двух словах объяснить, в чем заключается наша работа, а мой муж как раз обожает вдаваться в такие детали. И мне придется ждать своего часа, чтобы вернуться к разговору о той мертвой женщине.

Конни слегка увлеклась...

Сказал ли он это намеренно, желая посеять в уме Сэма К. мысль, что я – легко увлекающийся тип личности? Тот, кто заказывает в шесть раз больше нужного фирменных бланков, возможно также, увлекшись собственными проектами, вообразил мертвого человека, лежащего в луже крови.

Я терпеливо слушала, как Кит описывал нашу работу. Последние три года более двадцати сотрудников «Нулли» трудились на благо столичного банковского филиала. Американское правительство возбудило дело против этого филиала, который, как и многие банки Соединенного Королевства, имеет длинную историю нарушения американских правил, заключая соглашения с организаторами терроризма и невольно давая возможность клиентам и компаниям из американского черного списка проводить электронные сделки в американских долларах. Лондонская банковская компания теперь из кожи вон лезет, стараясь исправить ошибки и втереться в доверие к Управлению по контролю за иностранными активами, сведя к минимуму возможный ущерб, который почти наверняка достигает штрафа в много миллионов долларов. «Нулли» подрядилась создать систему фильтрации данных, способную помочь этому банку извлечь все сомнительные сделки, скрытые в его истории, чтобы выложить все начистоту Министерству юстиции США. Подобно всем, с кем случалось говорить Киту, Сэм выглядел в равной мере впечатленным и смущенным.

– Значит, ваши люди работают в Лондоне? – уточнил он. – Или вам самим приходится ездить туда?

– Конни трудится здесь, а я – половина на половину, – пояснил мой муж. – Приходится снимать квартиру в Лаймхаусе – по существу, у меня там просто клетушка с кроватью. Но дом у меня один, вот этот коттедж «Мелроуз», – произнося эти слова, Кит глянул на меня.

Неужели он ожидал взрыва аплодисментов?

– Насколько я понимаю, скромная квартирка в Лондоне могла бы стать производственной соперницей этому жилью. – Сэм К. окинул взглядом нашу гостиную. – Хотя здесь у вас множество стильных украшений. – Он пригляделся к обрамленному изображению на стене – фотографии смеющейся девушки на ступенях часовни Королевского колледжа. Знал ли он, что перед ним вид Кембриджа? Если не знал, то ничего не скажет. Эту фотографию подарил мне Кит, а я всегда ненавидела ее. На подложке внизу имелась надпись: «4/100».

– Не самая приятная память, – заметила я, когда любимый подарил ее мне, – что она тянет всего на четыре процента.

– Глупышка, – рассмеявшись, пояснил он, – это просто четвертый из сотни отпечатков. Во всем мире их существует только сотня. Разве он не прекрасен?

– Мне казалось, тебе не нравятся изделия массового производства, – произнесла я, непреклонная в своей эгоистичной неблагодарности.

– Надпись «четыре из ста» делает ее уникальной, – обиженно возразил Кристофер. – Именно поэтому подсчитывается число отпечатков. – Он вздохнул. – Тебе не понравилась фотография?

Осознав, наконец, собственный эгоизм, я притворилась, что рада подарку.

– Моя жена называет подобные интерьеры «гламурными иллюстрациями», – заметил Сэм. – Едва переступив порог этого дома, я почувствовал ваше превосходство.

– Вам стоит еще заглянуть в салоны наших машин, – с усмешкой откликнулся Кит, – или, вернее, на два этих колесных мусоровоза. Я уже подумывал, что пора оставлять их с открытыми дверцами на панели, рядом с вывеской городского мусоровоза в день сбора мусора... Может, тогда муниципалы проникнутся к нам жалостью.

Я встала из-за стола. Кровь бросилась мне в голову, комната покачнулась и начала расплываться. Мое тело, казалось, распадалось на части, и они отрывались и куда-то уплывали. Голова заполнилась пульсирующим туманом. У меня уже бывали такие головокружения, и мой терапевт не смог обнаружить никаких причин для этих приступов. Мне сделали разно-

образные анализы крови, сканирования, полное обследование... Элис, мой гомеопатический психоаналитик, полагала, что так физически проявляется эмоциональный дистресс.

Через несколько секунд головокружение прошло.

– Вы вполне можете уйти, – сказала я полицейскому, вновь обретая дар речи. – Очевидно, вы не верите мне, так зачем же нам обоим зря тратить время?

– Что привело вас к мысли о том, что я не верю вам? – спросил он, задумчиво посмотрев на меня.

– Я могу пребывать в заблуждении, но я не глупа, – отрывисто бросила я. – Вы сидите здесь, пробуя печенье, болтая о мусоровозах и домашнем интерьере...

– Это помогает мне немного понять вас и Кита, – невозмутимо охладил гость мой раздраженный выпад. – Я хочу лучше узнать вас и лучше разобраться в том, что вы видели.

«Холистический подход»¹⁰. Элис одобрила бы его тактику.

– Я ничего не видел, – пожав плечами, заметил Кит.

– Неправда, – поправила я его. – Что-то ты видел... ты видел гостиную, где не было никакого женского тела. Это уже кое-что.

– Так почему же, Конни, вы зашли на вебсайт недвижимости? – вновь спросил Сэм К. – И почему именно недвижимости Кембриджа?

– Несколько лет тому назад мы подумывали переехать туда, – ответила я, чувствуя, что не способна взглянуть ему прямо в глаза. – В итоге... мы раздумали, но... иногда я еще вспоминаю об этом и... ну, не знаю, у меня возникло странное спонтанное желание... без всякой особой причины. Пребывая в состоянии беспокойства или бессонницы, я иногда просто блуждаю по Сети, просматривая разные сайты.

– Итак, прошедшей ночью вы подключились к «Золотой ярмарке» и... что дальше? Расскажите мне подробно, шаг за шагом, – попросил полицейский.

– Я просмотрела дома, выставленные на продажу в Кембридже, и увидела адрес Бентли-гроув, дом одиннадцать. Просмотрела его фотографии.

– А вы рассматривали какие-то другие дома?

– Нет.

– Почему? Что заставило вас выбрать именно одиннадцатый дом по Бентли-гроув?

– Не знаю. Он стоял третьим в списке появившихся предложений. Мне просто захотелось взглянуть на него, и я щелкнула по этому предложению. – Я вновь села за стол. – Сначала я разглядывала снимки комнат, а потом заметила кнопку виртуальной экскурсии и подумала, что можно также просмотреть и ее.

Кит склонился в мою сторону и ободряюще сжал мою руку.

– Дорого ли его оценили? – спросил Сэм.

– В миллион двести тысяч, – ответила я. И зачем он захотел узнать цену?

– Вы сочли, что такая цена вам по средствам?

– Нет. Даже близко нет, – покачала я головой.

– Значит, вы совершенно не планировали перебираться в Кембридж, и за дом одиннадцать по Бентли-гроув назначили цену, превосходящую ваши средства, но тем не менее вы заинтересовались им настолько, что решили ознакомиться с виртуальной экскурсией, хотя уже видели фотографии его комнат?

– Согласна, это странно, но поймите меня правильно, – постаравшись не скатиться до уровня оправданий, попросила я. – Бывают такие моменты, когда вы практически маши-

¹⁰ Холистический подход, основанный на философии холизма или так называемой «философии целостности»; подразумевает в данном случае использование в целостном подходе к клиенту установки на заложенную природой самореализацию и психоаналитическое выяснение истинных причин его проблем.

нально щелкаете по кнопкам, просматривая самые разные вещи. Без всякого разумного основания, просто...

– Очевидно, ей просто хотелось найти что-то интересное, – пояснил Кит. – Так бывает, подходишь, к примеру, к книжному шкафу и перебираешь разные книжки; точно так же и в Сети – блуждаешь, переходя с сайта на сайт, пока не появится что-то интересное. Я занимаюсь этим регулярно, отлынивая от работы.

Он решил выступить в мою защиту? Неужели надеется, что я буду благодарна за поддержку? Это ведь его вина, что я влипла в такую историю. *И если кого-то из нас можно назвать лжецом, то только не меня.*

– Ладно, – сказал Сэм К. – Итак, вы подключились к виртуальной экскурсии по этому дому номер одиннадцать по Бентли-гроув...

– Да, сначала показали кухню, – продолжила я свой рассказ. – Она медленно кружилась передо мной, глаза у меня устали, поэтому я закрыла их, а потом, когда вновь открыла, то увидела, что на экране все... красное. Я догадалась, что вижу гостиную, и там лежало женское тело...

– Как вы догадались, что это гостиная? – перебил меня гость.

Я не возражала против прерываний. Они успокаивали меня, спасали от подавленного ужаса, ярко отпечатавшегося в моем воображении, возвращали в реальный мир.

– Я видела ее раньше на одной из фотографий... точно такую же комнату.

Разве я только что не сказала ему, что сначала посмотрела фотографии? Или он пытается подловить меня на противоречивых показаниях?

– Но на фотографии вы не заметили никакого женского тела, никакой крови, верно? – уточнил полицейский.

Я кивнула.

– Давайте пока забудем и кровь, и тело. Во всех прочих отношениях гостиная в процессе той виртуальной экскурсии выглядела так же, как на фотографии?

– Да. Я почти уверена. То есть уверена, насколько это возможно.

– Опишите ее.

– Какой смысл? – удрученно спросила я. – Вы же можете зайти на сайт «Золотой ярмарки» и увидеть все сами. Почему вы не просите меня описать ту женщину?

– Конни, я понимаю, что это трудно для вас, но, поверьте, все мои вопросы имеют основательную причину.

– Так вы хотите, чтобы я описала ту гостиную? – У меня появилось ощущение, словно я попала в детскую компанию, которую развлекают глупой игрой.

– Да, прошу вас.

– Светлые стены, бежевый ковер. Посередине одной стены камин, облицованный изразцами. Мне не удалось четко разглядеть облицовку, но, по-моему, на плитках был какой-то цветочный узор. Они выглядели слегка старомодными для такой комнаты.

Описывая обстановку, я впервые осознала это несоответствие и испытала облегчение. Кит мог бы выбрать подобные изразцы для нашего дома, построенного в середине XVIII века, но они выглядели совершенно неуместно в таком современном доме, как дом № 11 по Бентли-гроув, построенном никак не более десяти лет тому назад. По его мнению, современные здания должны быть по-честному современными как внутри, так и снаружи.

И следовательно, дом № 11 на Бентли-гроув никак не мог быть связан с ним.

– Продолжайте, – сказал Сэм К.

– Помню традиционные ниши с обеих сторон от камина. Серебристый диван в форме буквы «Г» с красной вышитой накидкой, кресло с забавными деревянными подлокотниками, журнальный столик со стеклянной столешницей, а под стеклом в своеобразной горизонтальной витрине – ряд цветов с сине-красными головками.

Под стать тем каминным изразцам.

Вроде бы я видела что-то еще, только пока не могла вспомнить. Что же? Что еще я видела, пока эта комната медленно проплывала перед моими глазами?

– Ах да, еще над камином висела какая-то карта, вставленная в раму карта, – добавила я.

Карта, разумеется, достойна упоминания, но я вспоминала что-то другое. Что же еще? Стоит ли сказать Сэму, что пока мне не удалось вспомнить все детали? Есть ли смысл?

– Какая карта? – уточнил он.

– Не разглядела – надписи там были слишком мелкие. А сверху в левом углу карты изображены какие-то щиты... около десятка.

– Щиты?

– Да, похожие на перевернутые надгробные плиты.

– Ты имеешь в виду геральдические щиты? – спросил Кит. – Типа фамильного герба?

– Точно! – Это и вправду были именно гербы, я просто не смогла сразу подобрать нужного слова. – Большею частью все их покрывали красочные рисунки, но один пустовал – просто чистая рамка.

Не вспоминала ли я именно этот пустой щит? Можно, конечно, притвориться, что так и есть, но к чему дурачить саму себя? Мысленно я искала еще какую-то деталь обстановки той комнаты, а она все никак не всплывала в памяти.

– Вспоминаете что-то еще? – спросил полицейский.

– Мертвую женщину в луже крови, – заявила я, сразу пожалев о собственном агрессивном тоне.

Отчего я так злюсь? Элис сказала бы: «От бессилия. Мы выпускаем гнев, создавая иллюзию силы, когда чувствуем слабость и беспомощность».

И тут я, наконец, услышала долгожданный вопрос.

– Опишите ту женщину, – попросил Сэм К.

* * *

Слова хлынули из меня безудержным потоком:

– Увидев ее и море крови и осознав увиденное, я сначала – невольно – глянула на себя. Точно потеряла голову. На мгновение мне показалось, что там лежу я сама – и я оглядела себя, проверяя, нет ли на мне крови. Позже я не могла понять такой реакции – с чего вдруг мне захотелось оглядеть себя? Она лежала на животе... лица я не могла видеть. Невысокая, миниатюрная, и фигура примерно, как у меня. Брюнетка, волосы такого же оттенка, как у меня, и такие же прямые. Правда, они слегка разлохматились... как будто она упала и... – Я вздрогнула, надеясь, что мне не придется произносить вслух то, что мертвые женщины не способны причесаться. – Лица я не видела и вообразила – всего на мгновение, пока не опомнилась, – что она это я и что именно я лежу там. Перестаньте записывать! – вдруг вырвалось у меня. *Слишком громко.* – Не могли бы вы просто выслушать меня, а потом уже сделать записи?

Сэм отложил блокнот и ручку.

– Мне не хочется придавать этому моменту особого значения, – продолжила я. – Я знала, что она не имеет ко мне никакого отношения, разумеется, знала, но... похоже, обманчивое восприятие решило подшутить надо мной. Должно быть, виновато потрясение. Она лежала в невиданно огромной луже крови. Казалось, под нею красный ковер. Сначала я подумала, что это вовсе не кровь, потому что мне не верилось, что ее может быть так много, она покрывала треть комнаты, но потом я подумала... В общем, вам видней. Должно быть,

вам приходилось видеть мертвецов, лежавших в их собственной крови, людей, истекших кровью.

– Боже мой, Кон! – пробормотал Кит.

– Много ли крови бывает обычно? – не обращая на него внимания, спросила я.

– Ваше описание не звучит невероятно, если иметь в виду вариант смерти от потери крови, – прочистив горло, заметил Сэм К., – хотя сам я лично никогда не видел такого. А какого размера та гостиния?

– Двадцать футов десять дюймов на одиннадцать футов три дюйма, – сообщила я.

– Какая точность! – удивленно заметил наш гость.

– Размеры указаны на поэтажном плане.

– На вебсайте «Золотая ярмарка»?

– Да.

– И вы запомнили размеры всех комнат?

– Нет, только этой гостиной.

– Поведай, чем ты занималась прошедшей ночью, когда я вернулся в кровать, – предложил Кит.

– Сначала я позвонила Саймону Уотерхаусу, а позже, не сумев дозвониться до него, позвонила вам, – сообщила я Сэму. – Поговорив с вами, вернулась к моему ноутбуку и... опять просмотрела рекламные данные дома одиннадцать по Бентли-гроув. Изучила каждую фотографию, внимательно просмотрела... поэтажный план. Снова и снова просматривала эту виртуальную экскурсию.

Ну да, все верно, вот вам и идея фикс. Тем самым я признаюсь в своей безумной одержимости.

– Она занималась всем этим шесть часов кряду, пока я не встал и не оттащил ее от компьютера, – спокойно добавил Кристофер.

– Да, я продолжала выходить из Интернета и входить в него снова, – призналась я. – Несколько раз полностью выключала ноутбук, закрывала его, потом включала опять и перезагружала. Я... я выдохлась, у меня уже ум за разум заходил, и... в общем, мне взбрело в голову, что если я буду достаточно упорна, то вновь увижу... то самое женское тело.

Не слишком ли я откровенна? Ну и что с того, что прошлой ночью я вела себя не слишком разумно? Разве это превращает меня в не заслуживающего доверия свидетеля? Разве в полиции слушают только тех свидетелей, которые выпивают вечером по кружке «Оувалтина»¹¹, ложатся спать в десять часов и всю ночь благоразумно спят в своих фланелевых пижамах?

– Я никогда прежде не видела мертвецов, – добавила я. – Убитых людей, которые потом исчезают. Я пребывала в шоке. Вероятно, я еще и сейчас в шоке.

– Почему вы сказали «убитых»? – спросил Сэм К.

– Трудно представить, как такая кончина могла быть случайной. Допустим, она могла вонзить нож себе в живот, потом упала на пол и смиренно ждала смерти, но это кажется невероятным. Не самый очевидный способ самоубийства.

– Разве вы видели рану на животе?

– Нет, но вокруг ее талии кровь успела загустеть. Она выглядела почти черной. Наверное, я просто предположила...

Перед моим мысленным взором всплыла та густая смолистая темнота, переходящая в красноту. И какое-то маленькое окно, прямоугольники света на темной поверхности...

¹¹ Фирменное название порошка для приготовления питательного шоколадно-молочного напитка компании «Уондер лимитед».

– Конни? – Передо мной возникло расплывчатое лицо Кита. – Ты нормально себя чувствуешь?

– Нет. Нет, не совсем. Еще я видела окно... – пробормотала я.

– Не стоит говорить, пока не пройдет головокружение, – посоветовал мой муж.

– ...его отражение в этой крови.

– Что она имеет в виду? – спросил Сэм.

– Понятия не имею, – отозвался Кристофер. – Кон, наклонись, поддержи голову между коленей и спокойно дыши.

– Со мной всё в порядке, – я оттолкнула его руку. – Теперь уже в порядке. Если все, что я говорила, не убедило вас обоих, то это убедит, – добавила я. – Я видела, как окно гостиной отражается в луже крови. Когда комната разворачивалась перед камерой, перемещалась и кровавая лужа, а также маленькое окно. Вот вам доказательство того, что мне ничего не померещилось! Разве может привидеться такая дурацкая мелкая подробность? Значит, я должна была все это видеть. И действительно видела.

– Ради бога! – Кит спрятал лицо в ладонях.

– И ее платье – не могла же я выдумать подобное платье? Светло-зеленое с сиреневым рисунком в виде множества силуэтов песочных часов, спускающихся изогнутыми линиями к подолу. – Я попыталась дополнить это описание жестами.

– А не заметили ли вы туфли или колготки? – кивнув, спросил полицейский. – Или, может, какие-то ювелирные украшения?

– Никаких колготок. Голые ноги. Нет, туфель, по-моему, тоже не было. Зато я запомнила обручальное кольцо. Руки были подняты вверх, лежали по обеим сторонам от ее головы. Помню, я обратила внимание на ее пальцы и... Да. Точно, какое-то обручальное кольцо.

Но что же еще так упорно отказывалось всплывать из памяти? Чем больше я старалась вспомнить эту неуловимую деталь, тем увереннее осознавала ее скрытое наличие, подобно темной тени, скрывшейся за углом и ускользнувшей из поля зрения.

– Что произошло после того как вы увидели это тело на вашем лэптопе? – спросил Сэм К. – Что вы сделали, проверив себя и обнаружив отсутствие крови?

– Я разбудила Кита и заставила его пойти и посмотреть.

– Когда я пришел, на экране кружилась кухня, – сразу вставил Кристофер. – Потом появилась гостиная, и там не было никакого женского тела и никакой крови. Я сказал об этом Конни, и она подошла взглянуть.

– Да, тело исчезло, – подтвердила я.

– Я не перезагружал эту экскурсию, – добавил Кит. – Когда я вошел в комнату, видеотур продолжал воспроизводиться на экране, циклически прокручивалась та самая экскурсия, которую начала смотреть Конни. Не скажу, что нельзя внести изменения в виртуальный рекламный тур по какому-то дому... конечно, можно... но едва ли можно изменить уже запущенный видеоролик. Такое просто невозможно...

– Конечно, это возможно, – прервала я его. – Ведь ты сам рассказывал мне, как кто-то не смог устроить виртуальную экскурсию так, чтобы через каждую сотню или тысячу просмотров появлялось изображение какой-то другой гостиной?

«Да брось, Кит, – мысленно подначила я его. – Неужели ты не гордишься своей ученицей? Ведь благодаря тебе я перестала недооценивать возможности техники. Компьютер под руководством умелого человека способен почти на все».

– И так? – требовательно спросила я. – Разве это невозможно?

Пусть и неохотно, но муж признал мою правоту.

– Только, пожалуйста, успокой меня, сказав, что не собираешься провести весь день за компьютером, прокручивая эту экскурсию тысячу раз, – попросил он. – Пожалуйста.

– Можно мне взглянуть на ваш лэптоп? – спросил Сэм.

Кит повел его на второй этаж, а я принялась ходить взад-вперед, представляя гостиную дома № 11 по Бентли-гроув и пытаюсь вспомнить ускользающую мелочь.

Женщина исчезла. Кровь исчезла. Но что же еще...

Мысли так поглотили меня, что я не заметила возвращения супруга и вздрогнула, услышав его голос:

– Я знаю, что никто не любит агентов по недвижимости, но ты вышла на совершенно новый уровень. Любые действия или поступки предполагают наличие причины их совершения. По какой, интересно, причине таинственному злому гению в образе агента по недвижимости из кембриджского офиса могло понадобиться сделать виртуальную экскурсию по выставленному им же на продажу дому, включив в нее исчезающее изображение мертвой женщины в луже ее собственной крови? Что это, некий новый, смелый в своей беспрецедентности маркетинговый ход? Может, тебе стоит выяснить, какой агент занимается этим домом, связаться с ним и расспросить обо всем?

– Нет, – ответила я, чувствуя себя спокойнее от сознания того, что Кит потерял свою невозмутимость. – Этим следует заняться полиции.

Нельзя позволить ему превратить ситуацию в смехотворную шутку.

– Ты говорила, что ее убили. Большинство убийц стремятся скрыть свои деяния, а не рекламировать их посредством одного из самых популярных в стране вебсайтов, – гнул свою линию муж.

– Кит, я понимаю тебя. Но я также знаю то, что видела собственными глазами.

Мне хотелось бы спросить кое о чем его самого, но любой заданный мной вопрос предоставил бы ему шанс для очередной лжи.

– Почему ты ничего не сказал ему? – спросила я, когда полицейский ушел изучать мой компьютер.

– Что мне следовало сказать и кому?

– Сэму. Не сказал, что задолго до прошлой ночи я стала одержимой домом одиннадцать по Бентли-гроув? Не поделился всей нашей историей?

Муж явно растерялся.

– А почему ты сама не поделилась с ним? Я предположил, что ты не хочешь посвящать его в предысторию, потому что... – Не договорив, он отвел взгляд.

– Так почему же?

– Ты сама знаешь, почему, черт побери! Если б я сообщил ему обо всем, что происходило с января месяца, то он ни за что не поверил бы твоей истории о мертвой женщине... а заподозрил бы, что это исчезнувшее тело имелось лишь в твоём воображении, точно так же, как и остальные домыслы – плоды твоего воображения!

– Неужели? А разве не мог он предположить обратное – что, должно быть, есть какая-то тайна, связывающая тебя с домом одиннадцать по Бентли-гроув?

Однако в первом же разговоре с детективом мне действительно не хотелось рисковать. Возможно, не хотелось этого и Киту.

– Кон, я так долго не выдержу. – Его глаза наполнились слезами. – Ты не слушаешь никаких моих доводов.

Плюхнувшись в кресло, Кристофер помассировал пальцами виски. Он выглядел гораздо старше, чем всего каких-то полгода назад. На лице у него появились новые морщины, в волосах добавилось седины, а в глазах поселилась глухая печаль. Неужели все это из-за меня? Варианты происходящего были слишком ужасны: либо Кит – тот добрый, веселый, верный и великодушный мужчина, в которого я влюбилась, а я медленно, но верно убиваю его, либо он – полнейший для меня незнакомец, много месяцев или даже лет носивший маску, незнакомец, который в итоге убьет меня.

– Я люблю тебя, Кон, – глухо произнес мой муж.

Я заплакала. Признания в любви ко мне являются его самым действенным оружием.

– И всегда буду любить, – продолжил он, – даже если тебе удастся выжить меня из этого дома, изгнать из твоей жизни. Именно поэтому я не поделился, – он взмахнул рукой, показав на второй этаж, – нашей предысторией. Если ты хочешь, чтобы полиция восприняла тебя серьезно, если хочешь, чтобы они отправились в дом одиннадцать по Бентли-гроув и проверили, есть ли там на ковре мертвая женщина, то я тоже хочу именно этого, каким бы безумием это ни казалось. Мне хочется, чтобы тебе стало лучше.

– Я знаю, – откликнулась я, пребывая в странном внутреннем оцепенении. На самом деле я больше не понимала, что же знаю в реальности.

– Ты хоть немного представляешь, как это трудно – жить под тенью подозрения, когда ты не сделал ничего плохого? – продолжал Кристофер. – Думаешь, я не догадываюсь, о чем ты думаешь? «Кит помешан на компьютерах. Он вполне мог за несколько мгновений заставить то тело появиться и исчезнуть. Может, он даже сам убил бедняжку».

– Ничего подобного я не думаю! – всхлипнув, крикнула я. *Я не позволяла себе зайти так далеко.* – Мне не нравится подозревать тебя, ничуть не нравится. Если б этот дом одиннадцать по Бентли-гроув находился в любом другом месте, кроме Кембриджа...

Вернувшийся сверху Сэм К. стоял на пороге гостиной. Много ли он услышал?

– Я скажу вам, что намерен сделать, – заявил он. – Я сам переговорю с полицией Кембриджа. Вероятно, они уделят этому делу больше внимания, если для начала с ними поговорю я.

– Так вы видели?... – У меня екнуло сердце, и я вытянула руку, указывая наверх, в сторону нашего офиса.

– Нет, я не видел трупа. Или какой-то крови.

– Но...

– Вполне вероятно, что вы переутомились и у вас возникла своего рода... мимолетная галлюцинация. Как вы определили это раньше? Обманчивое восприятие? Однако в то же время нельзя отвергать того, что вы рассказали мне, поскольку... – Полицейский вздохнул. – Поскольку вы позвонили Саймону Уотерхаусу, а не мне. Саймон – как раз тот, кто вам нужен. Я не в состоянии превратиться в него, но, за неимением лучшего, поступлю так, как поступил бы он: отнесусь к вашим словам серьезно.

– Спасибо, – пролепетала я.

– Не благодарите меня... я лишь его дублер, – с улыбкой заметил Сэм. – Вы сможете поблагодарить Саймона, увидев его в следующий раз.

Только после того как он уехал, я сообразила, что могли означать его последние слова: ему известно, что я встречалась с Саймоном раньше.

* * *

Вещественное доказательство №: СВ13345/432/20IG

Кавендишская начальная школа

Ведомость № 586

Дата: Понедельник 30 ноября 2009 года

Котята в Кавендишской школе!

В прошлую среду у нас состоялось на редкость интересное собрание в первом классе! Бесс, кошка Маркуса, родила пятерых котят, и его мама и папа принесли их в школу! Мы чудесно провели время, играя с этими прелестными пушистыми гостями, а позже с большим интересом поговорили о домашних питомцах и о том, как мы заботимся о них, поэтому мы

приносим нашу огромную благодарность Маркусу и его родителям за предоставление нам возможности такой превосходной радости общения! Ниже приводятся два очаровательных описания от детей первого класса...

*Вчера днем в школу принесли котят Маркуса. Черные пушистики с белыми пятнами, они выглядели очень умными и ловкими. Мне удалось поймать одного из котят, одного из этих милых и пушистиков, хотя у них очень острые розовые коготки. Один из них спрятался за пионином. Я слышал, как громко мурлыкал один котенок. У них маленькие синие глаза. Получилось здорово, очень весело.
Заметка Гарри Брэдшоу*

*Вчера Маркус и его мама принесли к нам на собрание котят, и мы говорили о том, как лучше ухаживать за питомцами они были совершенно перестычными, некоторые черные с белыми пятнами. Их мама, кошка Бесс, осталась дома. Мне удалось подержать четырех котят, они такие мягкие, как будто из пуха.
Заметка Тилли Гилпатрик*

4

17 июля 2010 года

Чарли не знала, как быть со своей девичьей фамилией. Она и не задумывалась над этим вопросом, пока Саймон не затронул его по прибытии в аэропорт.

– Полагаю, тебе придется обновить документы, – заметил он, кивнув на ее паспорт.

Она не поняла, что он имеет в виду, и уныло пыталась скрыть свое потрясение, услышав его пояснение. Саймон посмеялся над ней.

– Не переживай, – бросил он, – я лишь предположил, что ты захочешь сменить свою фамилию на мою, но если тебе не хочется, то я возражать не буду.

– Правда? – спросила Чарли, мгновенно встревожившись за его благодушное настроение, осознавая, что в лучшие времена оно бывало хрупким и постоянно находилось под угрозой исчезновения.

Она обдумала второй вариант: да, она предпочла бы остаться Чарли Зейлер. Честно говоря, ее удивило, что Саймон мог бы предпочесть иное. Досадуя на себя за то, что оказалась не готовой к столь важному обсуждению, она быстро решила, что поступит так, как захочет он. Бывают фамилии и менее благозвучные, чем Уотерхаус.

Впрочем, оказалось, что на сей раз настроение Саймона ничем не омрачилось.

– Конечно, правда, – заверил он жену. – Какая разница, как тебя будут называть? По моему, это всего лишь наследственный ярлык.

– Точно, – подхватила Чарли с непроницаемым лицом. – Ведь если подумать, меня могут просто называть сержантом полиции женского пола за номером пять-четыре-четыре-три-семь, верно?

С той самой минуты вопрос фамилии поглотил все ее мысли. А как поступают другие замужние женщины? Ее ближайшая соседка Мэрион Грегори, а также приятельницы Кейт Комботекра, Стейси Селлерс, Дебби Гиббс – все они поменяли девичьи фамилии. Оливия, сестра Чарли, собиравшаяся выйти замуж в будущем году, пыталась убедить Доминика, ее предполагаемого мужа, что им следует взять двойную фамилию Зейлер-Ланд.

«Либо пусть он остается Ландом, а я сама стану Зейлер-Ланд, – вызывающе заявила она Чарли. – Если Дом хочет путаться в подгнивших оковах старомодных традиций, то пусть мучается. Ему не удержать меня от более прогрессивных взглядов».

Отлично зная сестру, Чарли подозревала, что это стремление Оливии имеет слабое отношение к принципиальной позиции – скорее ей просто хочется обзавестись двойной фамилией.

Чарли Зейлер-Уотерхаус. Нет, об этом и речи быть не может! В отличие от Лив, Чарли не зарилась на аристократические прибабасы: двойная фамилия будет смущать ее, не говоря уже о новом поводе коллегам изводить ее, придумывая новые прозвища.

– А почему бы нам вообще не выбрать совершенно новую фамилию? – крикнула она плескавшемуся в бассейне Саймону. Точнее, он лежал на надувной лодчонке, которая покачивалась на водной глади бассейна, когда они прибыли на виллу. В данный момент лодочка медленно дрейфовала, а его раскинутые конечности вяло шевелились, отмокая в воде. Иногда Саймон пользовался руками как веслами, чтобы развернуться или прокатиться в другой конец бассейна, а разок или два оттолкнулся ногами от борта, видимо, проверяя, не хватит ли одного толчка, чтобы лодка довезла его до противоположного борта. Толчка не хватало – слишком большим оказался бассейн.

Около полутора часов, делая вид, что читает свою книгу, Чарли тайком поглядывала на него. О чем он там размечтался?

– Саймон! – позвала она его наконец.

– Гм?

– В каких эмпиреях ты витаешь?

– Ты что-то сказала?

– Я подумала, может, мне не надо брать твою фамилию... почему бы нам просто не выбрать новую фамилию? Общую семейную фамилию.

– Что за глупость? Так никто не делает.

– К примеру, Чарли и Саймон Геррера.

– По-моему, это фамилия Доминго?

– Именно. Мы могли бы стать основателями новой традиции: фамилия первого встречного в медовый месяц человека становится новой общей семейной фамилией.

Доминго был смотрителем здешней виллы: этот молодой атлет и заядлый курильщик, загоревший до шоколадного цвета, немного говорил по-английски и, по всей видимости, жил в дальнем конце сада в деревянном летнем домике типа шале. Он встретил Саймона и Чарли в аэропорту и привез их на виллу «Los Delfines», а чуть позже устроил им ознакомительную экскурсию по дому и саду, не спросив их согласия, – возможно, из-за нехватки словарного запаса – и не поинтересовавшись, не желают ли они сначала отдохнуть, повременив с таким знакомством до утра. Экскурсия заняла около часа: в доме Геррера останавливался перед каждым техническим устройством или прибором, жестами привлекая к нему их внимание, прежде чем в полном молчании продемонстрировать, как они действуют.

Чарли не испытывала ни малейшего волнения. Она прошла через деревянную калитку, темневшую в высокой белой стене, увенчанной желобчатой черепицей, вдохнула теплый пряный воздух сада, увидела бассейн, блестящий подобно гигантскому аквамарину, и мгновенно влюбилась в этих испанских «Дельфинов». Если ей пришлось вытерпеть пантомиму Доминго, показывающего, как надо проворачивать ключи в замочных скважинах входных дверей и управляться с охранной сигнализацией, чтобы им позволили остаться здесь на две недели, то такую цену она с радостью заплатила за роскошь испанского отдыха.

Все вокруг выглядело идеально. Так идеально, что Чарли встревожилась, насколько же они с Саймоном проигрывают в сравнении с окружающей обстановкой. Вдруг своим появлением они испортили гармонию этого совершенства? Она понимала, что глупо сравнивать себя с другими людьми – сравнивать их с Саймоном с другими семейными парами, – но как же трудно было удержаться от подобных сравнений! Чарли не знала никаких других новобрачных, отправившихся в свой медовый месяц с такой секретностью, точно они в прошлом были бандитами, новообращенными в ценных осведомителей, и посему, в соответствии с программой охраны свидетелей, место их пребывания хранилось в строжайшей тайне. Кэтлин, мать Саймона, панически боявшаяся полетов, как и вообще почти любых перемен реальной жизни, не смогла бы перевернуть мысль, что ее сын сядет в самолет, поэтому Саймон сообщил ей, что на медовый месяц они с Чарли поедут на поезде и отдохнут в Торки. Кэтлин спросила, где они будут жить, на случай, если ей срочно понадобится связаться с ними. Ее сын мог бы назвать какой-то реальный или вымышленный отель в Торки, но он знал, что через пару дней Кэтлин непременно попытается связаться с ним и обнаружит, что он солгал, и поэтому ему не оставалось ничего иного, как отказаться дать такие сведения.

– Нет никакой крайней необходимости, – твердо заявил Саймон. – А если и появится, то придется немного подождать.

Кэтлин расстроилась, и в ход пошли слезы и мольбы. В какой-то момент, после одного из ее фирменно занудных воскресных обедов, она упала на колени и обхватила ноги сына. Ему с трудом удалось высвободиться от нее. Чарли пребывала в шоке, в том числе и потому,

что никто из родни, включая самого Саймона, явно не удивились такому поведению. Майкл, его отец, также не выказал удивления. Его единственным словесным вкладом в спор стало небрежное бормотание. «Прошу тебя, сын, – обратился он к Саймону. – Пожалуйста, сын, дай ей шанс связаться с тобой. Облегчи мне жизнь».

К великому облегчению Чарли, ее жених проявил твердость. Правда, сперва, к ее крайнему замешательству, он принял родительское приглашение на семейный обед и в грядущее воскресенье.

– Ты обезумел? – резко спросила его Чарли. – Все ведь повторится... в точности, как было на прошлой неделе.

– Ну и пусть, тогда я выкручусь так же, как на прошлой неделе, – заявил он.

Ему нравилось думать, что мать не контролирует его жизнь, однако в то же время, как и настаивали родители, им пришлось ехать аж до самого Торки, где их наконец-то поженили. «Сделаем ложь более правдоподобной», – оправдался Уотерхаус, не желая признавать абсурдности ситуации. Чарли предпочла бы заключить брак в бюро регистрации Спиллинга: ее раздражала мысль, что место их свадьбы выбрано патетически настроенной свекровью. Но жених заглушил ее протест: «Мне казалось, тебе нравится Торки. Разве не поэтому мы сделали вид, что отправимся туда на медовый месяц?»

Как ни странно, Кэтлин не пыталась навязать им венчание в церкви, как опасалась Чарли, и не высказала никаких возражений, когда Саймон сообщил, что на регистрации, кроме них самих, будут только два свидетеля, роль которых его матушке никак не светила.

– Она успокоится, – заверил он свою невесту. – Осознав, что от нее ничего не ждут. Подумай об этом: обычно на свадьбах мать жениха проводит львиную долю дня, любезно принимая и обихаживая гостей. Такая роль маме решительно не по зубам. Поэтому в случае подобного выхода в свет она обычно предпочитала внезапно заболеть, и в итоге папе тоже приходилось оставаться дома и приглядывать за ней.

Родители Чарли с благодарностью узнали, что их присутствия не требуется. Отец ее всему на свете предпочитал гольф. Он мог бы сделать передышку ради дочери и постараться порадоваться ее свадьбе, но быстро нашел бы повод для погружения в плохое настроение. День, проведенный без гольфа, Говард Зейлер считал злополучным, и для ощущения полнейшего горя достаточно было лишить его возможности сыграть в любимую игру.

– А как тебе нравится Мелвилл? – крикнул Саймон жене в ответ, продолжая покачиваться на глади бассейна.

– Гм? – отозвалась Чарли.

– В качестве нашей новой фамилии.

– Почему Мелвилл?

– В честь Германа Мелвилла¹².

– Тогда почему бы не Дик?

Саймон нацелил на супругу пару пальцев, выразительным жестом изобразив букву «V». «Моби Дик» был его любимым романом. Он перечитывал его ежегодно и, естественно, притащил с собой в Испанию. Должно быть, по его мнению, медовый месяц предназначен для чтения, так почему бы ему не перечитать избранное? Но почему же он тогда с удовольствием предается праздному плаванию, словно ему больше ничего не хочется делать? Даже листья и лепестки цветов на поверхности бассейна, казалось, прилагают больше целенаправленных усилий.

Почему он не занимается сексом с женой?

Разве не положено проводить большую часть медового месяца в постели? Или так бывает, только если парочки не спали вместе до свадьбы?

¹² Герман Мелвилл (1819–1891) – американский писатель и моряк, автор классического романа «Моби Дик».

Чарли вздохнула. Разве она ждала слишком многого? Долгие годы избегая любых физических контактов с ней, в этом году Саймон решил, что наконец настало время консумировать их отношения. С тех пор все пошло прекрасно. Ну, почти прекрасно. Чарли по-прежнему не смела брать на себя инициативу: она чувствовала, что ее любимому это не понравится. Также было очевидно, что разговоров – непосредственно после соития или вообще на интимную тему – тоже следовало избегать. Или Чарли сама воздвигла воображаемые барьеры, которых вовсе не существовало? Может, Саймону не меньше, чем ей самой, хотелось спросить: «Тебе нравятся наши сексуальные игры, или ты только надлежащим образом исполняешь супружеский долг?» Физически он выглядел удовлетворенным, но всегда казался чертовски отстраненным – глаза закрыты, губы безмолвно сжаты. Временами он вообще был почти бесстрастен, как робот.

Припекало полдневное солнце. Чарли размышляла, не пора ли предложить Саймону зайти в дом и еще разок намазаться защитным кремом. Тогда она могла отправиться за ним и... Нет. Она завела хорошее правило – никогда и никого не провоцировать на секс, и была намерена неуклонно придерживаться его. Однажды – давно, на одной вечеринке, задолго до их официальной помолвки – Саймон на редкость грубо отверг ее заигрывания. И Чарли твердо решила, что никогда больше не позволит такому случиться.

За ее спиной раздался какой-то шум... звук чьих-то шагов. Доминго. Женщина напряглась, но потом вздохнула с облегчением, увидев, что зритель вооружен граблями и мотыгой: он ведь здесь работает, только и всего. Вилла утопала в роскошном саду, и сад этот, очевидно, являлся для кого-то гордостью и радостью – может, для Герреры, может, для его хозяев. Такого бурного и разнообразного цветения, собранного в одном месте, Чарли еще в жизни не видела: огненно-красные, бордовые, фиолетовые, сиреневые, ярко-синие, оранжевые и желтые цветы контрастировали с множеством оттенков зеленого. Никакого сравнения с большинством бледных английских садов. Чарли особенно любила представлять перевернутые лилейники, тогда их белые колокольчики выглядели как маленькие абажуры.

Отложив книгу, она направилась к бассейну. Не потому, что хотела быть ближе к Саймону, а потому что изрядно перегрелась и ей требовалось охладиться. По мраморным римским ступеням женщина спустилась в воду.

– Водичка как раз то, что надо, – заметила она. – И не холодная, и не слишком теплая. Похожа на горячую ванну, набранную пару часов назад.

Ее муж не ответил.

– Саймон?

На чем же он так сосредоточен, что даже не слышит ее, хотя она плещется прямо рядом, у него под носом?

– Гм? Прости. Что ты сказала?

Вряд ли ей стоило повторять. Хотя жаль упускать такую возможность – раз уж она привлекла его внимание, надо сказать что-то более существенное.

– Я паникую всякий раз, как Доминго направляется в нашу сторону.

– Боишься, что он опять будет испытывать наше терпение, показывая, как работают очередные выключатели?

– Нет, вовсе нет... Но его мобильный номер есть на вебсайте. То есть благодаря ему мы можем оказаться в доступности для связи.

Саймон с трудом принял сидячее положение, постаравшись не перевернуть лодку.

– Тревожишься из-за моей мамы? Она же не знает, где мы. Никто не знает.

– Оливия знает.

Рассердится ли он, что она поделилась с сестрой тем, что надлежало хранить в секрете? Вероятно, нет. Чарли поборола желание выяснить, удалось ли ей полностью завладеть его вниманием.

– Когда я сообщила Лив, какова цена за это местечко, она упросила меня показать ей фотографии. Пришлось показать и рекламу виллы на вебсайте.

– Надеюсь, она ничем не поделится с моей мамой?

– Меня беспокоит не Кэтлин, – сказала Чарли, – а работа.

Саймон пренебрежительно хмыкнул.

– Две недели Форум безопасных условий проживания сможет обойтись без тебя.

– Я имела в виду твою работу. Мое отсутствие никого не колышет.

– Что, ты переживаешь из-за Снеговика? После месяцев предвкушения того, что он называл своим творческим отпуском от вечных проблем Уотерхауса? Едва ли ему взбредет в голову разыскивать меня. Знаешь, что он сказал мне на прощание перед моим уходом? «Давайте-ка, Уотерхаус, мы оба по максимуму отдохнем за эти две недели. Может, сам я и не буду посещать в данный период ничего более экзотического, чем мой кабинет или столовую, но без вашей неизменно чумовой деятельности у меня будет настоящий душевный и праздничный отдых».

– Уж поверь мне, Пруст с нетерпением дожидается твоего возвращения. Буквально считает деньки.

– Не шути так, – предостерег Саймон.

Его не радовала мысль, что он может вызывать у босса чувства, отличные от раздражения.

– Мы оставили Лив и Гиббса одних, – вспомнила Чарли. – Что, если Лив продолжала накачиваться спиртным и, напившись, выболтала секрет Гиббсу, а он...

Ей не хотелось озвучивать возможные действия Криса на тот случай, если сказанное способно увеличивать вероятность событий.

– Гиббсу? – Уотерхаус рассмеялся. – Да Гиббс, даже сидя рядом со мной, рта не раскрывает! Чего ради ему грузить себя моими поисками в Испании? Ни малейшего повода!

– Да для начала поисков достаточно всего лишь чуть менее заурядного дела, и тогда каждому придет в голову: «Вот если б Саймон был здесь, если б мы могли спросить, что он думает...».

– Нет, никому это не понадобится. Скорее они подумают: «Слава богу, что с нами нет Уотерхауса, а то он усложнил бы все дело».

– Ты же сам понимаешь, что это неправда. Сэм Комботекра так не думает. И Гиббс тоже...

– Черт, Чарли, прекрати, ради бога! Оливия не скажет Гиббсу, куда мы уехали, и Гиббс ничего не скажет Сэму, и в ближайшие пару недель Сэм не столкнется с трудностями, о которых стоило бы поговорить со мной. Договорились? Отдыхай спокойно!

Саймон был прав: вряд ли их потревожит кто-то из Спиллинга. Так почему же Чарли не могла избавиться от тревоги, так основательно обосновавшейся в груди, что у нее перехватывало дыхание?

– Я весь ваш на две недели, так что считайте, вам не повезло, – сказал Уотерхаус. – Как там говаривал наш остроумный Марк Твен? «Мне пришлось перенести множество неприятностей, хотя лишь изредка они имели место в реальности». В общем, высказывание в его духе. Посмотри-ка туда, – предложил он, показав в сторону двух деревьев, в промежутке между которыми маячила на горизонте гора.

– На что смотреть-то? – уточнила Чарли.

– На гору. Видишь очертания?

– Очертания горы?

– Нет, черты лица. Похоже, у этой горы есть своя физиономия.

– Ничего не вижу. Ты подразумеваешь, что углядел там глаза, нос и рот?

– И брови, и, по-моему, я даже вижу ухо. Неужели ты не видишь?

– Нет. – Чарли попыталась не выдать своего раздражения. – Я не вижу никакого лица на той горе. Оно хоть симпатичное?

– Должно быть, обман зрения... игра света, но... Интересно, изменятся ли его черты, когда сдвинется солнце. Наверное, сейчас просто тени так причудливо легли на скалистые уступы.

Чарли еще долго вглядывалась в очертания горы, но так и не обнаружила ничего явно похожего на физиономию. Как ни глупо, но она почувствовала, что упустила нечто важное. Лодка Саймона успела прибиться к другому борту бассейна. «Может, для поддержания хорошей формы, – подумала Чарли, – стоит тоже немного поплавать?» Отныне она твердо решила не паниковать при виде направляющегося к ней Доминго, несмотря на то, что перед ее мысленным взором опять мгновенно возник поразительно четкий образ того, как он подстерегает их с Саймоном за кустами со словами: «Телефон. Англия», помахивая своим мобильным.

– Чарли? – услышала женщина голос мужа.

– Мм?

– Как бы ты поступила, если б... – Саймон покачал головой. – Нет, ерунда, – оборвал он себя.

– Но о чем ты хотел спросить? – заинтересовалась его супруга.

– Пустяки. Забудь.

– Ты же знаешь, что я не смогу забыть, – возразила она. – Лучше скажи.

– Да, в сущности, нечего говорить.

– Нет, скажи!

Как бы ты поступила, если б я попросил у тебя развод? Как бы ты поступила, если б я захотел, чтобы мы спали в отдельных комнатах?

– Мне сразу же начали лезть в голову всякие дурные мысли. Неужели ты хочешь, чтобы я продолжала мучиться? – упрекнула Чарли мужа.

– Да нет же, никаких проблем, – отозвался тот. – Это совершенно не касается нас с тобой.

То есть если бы это касалось их двоих, то речь обязательно зашла бы о проблемах?

Зейлер, прекрати выдумывать несуществующие проблемы!

Чарли мысленно выругалась. Она знала, что готова провести очередные пару часов, пытаясь заставить его высказаться, и знала также, что потерпит неудачу.

* * *

– Тебе пора уходить, – уныло проворчала Оливия Гиббсу, упираясь ладонями в его бок.

Последний час она пыталась выпихнуть его из своей кровати, но он был сильнее и упорно сопротивлялся.

– Нет, не пора. – Гиббс лежал на спине, сложив руки под головой.

– Еще как пора! Хватит уже, пора сбрасывать шкуры нечестивых, безбожных вырожденков и облачаться в благопристойные наряды. Если мы начнем репетировать новые роли прямо сейчас, то скоро у нас может получиться вполне убедительно... если повезет, мы вживемся в них уже к вечеру.

Крис едва не улыбнулся, но с места не сдвинулся. Мобильник Оливии показывал, что уже минуло два часа пополудни. В ее гостиничном номере по-прежнему царил такая же темнота, как часов двенадцать назад, когда они приковыляли сюда ночью. Зейлер еще не видела оконных драпировок, которые превзошли бы здешние глухие жалюзи и плотные шторы в сохранении атмосферы ночи, объединив свои силы против проникновения дневного света.

– В конце концов, разве у тебя нет повода вернуться домой? Нет дел, планов, урочного часа возвращения? – поинтересовалась женщина. – У меня лично имеются все три повода.

Она прекратила попытки спихнуть лежащего рядом мужчину с кровати. Все равно ничего не получалось, и вдобавок у нее уже заболели руки. Гиббс повернулся на бок лицом к ней. Забавно, вслух называя его Крисом, про себя она думала о нем только как о Гиббсе, так же, как и Саймон. Изменится ли в дальнейшем ее мысленное обращение? Женщина молча укорила себя за то, что думает о нем в будущем времени. Необходимо взять себя в руки, но возможно ли это, пока он, излучая тепло, лежит рядом с ней?

– Пытаешься избавиться от меня? – спросил он.

– Да, но... не в плохом смысле.

– Неужели есть и хороший смысл?

– Разумеется. Полно. К примеру, в хорошем смысле самопожертвования: освободиться самой и спасти тебя, пока еще не поздно, а также... – Оливия умолкла, припомнив, что он сравнивал ее с красочным воскресным приложением газеты и побудившие его к такому сравнению причины. – В общем, нам необходимо выбраться отсюда до трех часов, – оживленно, чтобы скрыть смущение, заявила женщина. – Я не могу перезванивать и просить очередного продления.

– А каковы другие хорошие смыслы? – спросил Гиббс. Неужели ему действительно было интересно?

Зейлер не могла ответить ему правдиво. Только что, занимаясь с ним сексом, она трижды достигла оргазма. Если бывали ситуации, требовавшие неременного сокрытия правды, то эта, безусловно, требовала.

– Я никуда не стонусь, пока ты не ответишь, – пригрозил Крис.

– О, ради бога! Тогда ладно, может, так я добьюсь цели, раз уж не удалось спихнуть тебя с кровати. Вот другой хороший смысл: мне нужно, чтобы ты исчез, дабы посвятить остаток дня глубочайшему размышлению обо всех аспектах твоей личности и всецело восстановить в памяти твои слова и дела, исключив на обозримое будущее все прочие мысли.

– Тебе будет легче думать обо мне, если я буду рядом, – усмехнувшись, заметил Гиббс.

– Ошибаешься. Пока ты здесь, я слишком занята мыслями о том, что ты думаешь делать, и не могу предаться никаким другим своим мыслям.

– У меня нет никаких иных мыслей и намерений, кроме желания еще разок трахнуть тебя, но пока я предательски обессилен.

– Ничего не слышу, не слышу! – заверещала Оливия, закрыв уши руками. – Перестань добавлять слова к тому множеству, о котором мне уже придется думать. Мне еще надо расплатиться со старым долгом. Не смейся... я не шучу. Пожалуйста, просто исчезни. И не говори больше ничего.

– Чтобы ты смогла думать обо мне?

– Да.

– И больше ни о чем?

– Нет, пока не расплачусь с долгом.

Крис кивнул, словно счел ее просьбу вполне разумной. Он сел и начал собирать свою одежду. Оливия вновь глянула на экран телефона. Пять минут третьего. Она почувствовала нарастающее возбуждение, явно предвкушая его уход. Ей предстояло срочно заняться собой. Первый пункт программы – выпуск пара в оригинальной недостойной манере: приплясывая, кружить по номеру с криком: «О боже мой, о боже мой, о боже мой!». Второй пункт – встав перед большим зеркалом около двери, изучить свою наружность так тщательно, словно она никогда не видела себя прежде и никогда не увидит впредь, и попытаться увидеть себя глазами Гиббса. Потом она позвонит Чарли. Или, вернее, позвонит зрителю «Los Delfines», номер которого есть на вебсайте, и попросит его передать сестре, чтобы та позвонила ей.

Любая приличная сестра – а Чарли, в общем, вполне прилична – захотела бы сразу услышать такого рода новости.

«Догадайся, кто стал полнейшей и законченной шлюхой? – мысленно спросила она сестру и тут же восторженно ответила: – Я!»

Некоторые сплетни так важны, что способны смести все стоявшие на пути соображения об интимности медового месяца, – и, по чистой случайности, теперь произошел именно такой случай. Оливия сознавала, что она будет сплетничать о себе с таким же удовольствием, с каким сплетничала о других. Даже с более сильным удовольствием. Ведь она так редко делала нечто, способное потрясти любого. Как же приятно в ее возрасте дать повод для сплетен – совершить неопишемую глупость в сорок один год, когда никто даже не опасается такого подвоха с ее стороны...

Надо ли будет попросить Чарли ничего не говорить Саймону? Некоторые люди ничего не скрывают от своих супругов. Могла ли ее сестра стать такой фанатично откровенной после женитьбы? Вряд ли Саймон одобрит поведение Оливии, подобно тому, как люди, которым не хватает в жизни переживаний, не одобряют тех, кто попадает в приключения, которые сами они давно упустили. Он может воспринять это в каком-то мрачном смысле, и тогда их с Чарли свадебный день будет омрачен, испорчен из-за того, что их свидетели завершили его в одной постели. Оливия вздохнула, осознав возможность таких последствий. Из-за Саймона Чарли может разозлиться и разобидеться. Она воспримет бурную ночь Оливии с Гиббсом не как приключение Оливии, а как нечто плохое, случившееся с ее собственным чертовски важным мужем. Вероятно, у нее возникнет протест и по собственным соображениям, и она обвинит сестру в злоупотреблении. Гиббс, будучи полицейским, принадлежал к сфере общения Чарли и Саймона, а не Оливии, и она не имела никакого морального права вторгаться в чужой мир, куда ее лишь приглашали время от времени, по усмотрению Чарли.

Неужели она испоганила самый знаменательный день в жизни ее сестры? Наверное, это непростительная наглость для подружки, приглашенной на роль второго плана, по собственному почину притязать на роль соперницы главной героини? Лив не могла понять, сочтет ли Чарли ее поступок отвратительным или воспримет его как легкое прегрешение. И никогда Оливия так ничего и не поймет, если не расскажет сестре о случившемся, – она не способна справиться с этим вопросом сама, не зная, какой будет реакция.

«Мне следовало бы испытывать чувство вины перед Домом, – подумала Оливия, – и перед Дебби Гиббс. Увы, правда была не на их стороне».

Крис закончил одеваться.

– Я ухожу, – сказал он. – Можешь начинать думать.

– Так же, как и ты, – откликнулась Зейлер, желая теперь, когда он решил уйти, вновь привлечь к себе его внимание. – Я имею в виду, можешь думать обо мне.

– Всецело, – ответил Гиббс, – в обозримом будущем.

Это прозвучало как цитата. Естественно, осознала Оливия, он цитировал ее.

* * *

Сэм Комботекра не привык чувствовать себя виноватым, но именно вину он испытывал, сидя за столиком возле окна кафе-бара «Жевуны»¹³ в ожидании Элис Бин. Эта встреча, возможно, окажется совершенно излишней, однако Сэм организовал ее, отдавая предпочтение делу, а не выходному дню дома с семьей. Он уже знал, какие ответы даст Элис на под-

¹³ «Жевуны» – маленькие жители Голубой страны из сказки американского детского писателя Лаймена Фрэнка Баума (1856–1919) «Удивительный волшебник из страны Оз». Они также живут и в весьма вольном пересказе оригинала «Волшебник Изумрудного города», сделанном в 1939 г. русским писателем А. М. Волковым (1891–1977).

готовленные им вопросы. Он мог бы задать их и по телефону, но ему хотелось увидеть ее во плоти сильнее, чем он смел признаться даже самому себе. Редкая женщина в маленьком мире полиции Спиллинга считалась более легендарной, чем Элис. Сэм слышал по меньшей мере из десятка разных источников, что несколько лет тому назад Саймон Уотерхаус был романтично одержим этой таинственной особой. Тогда ее звали Элис Фэнкорт.

Сэм знал, что ее запутанные отношения с Саймоном (которые, согласно мнению Колина Селлера, являлись пустой тратой времени, а точнее, «напрасным бестрахальным словоблудием») плохо кончились, и с тех пор эти двое не разговаривали друг с другом. Насколько откровенно Элис захочет поделиться с ним сегодня этой историей? В утреннем телефонном разговоре, через пару секунд после того как Комботекра представился, она спросила, не работает ли он с Саймоном. Она же и предложила ему встретиться в кафе «Жевуны», заметив: «Там мы обычно встречались с Саймоном». Из-за этого Сэм тоже испытывал угрызения совести: не только потому, что отказался в свой выходной от общения с семьей, но и из-за возможного пробуждения болезненных воспоминаний по вине неведомого ей детектива, не имевшего для личной встречи с ней никакой более возвышенной причины, чем удовлетворение своего нездорового любопытства.

Он взглянул на часы. Бин опаздывала уже на десять минут. Стоит ли позвонить ей? Нет, он предпочел дожидаться задержки на четверть часа. Может, попросить одного из официантов убавить громкость музыкального сопровождения? По-видимому, оно предназначалось для заглушения звуков, исходящих из угла зала, где находилась огороженная игровая площадка, полная воющих сопливых малышей и их мамаш, чьи натянутые улыбки искрились сдерживаемой яростью, когда они озирали столики и стулья в форме поганок, вкуче с набором неопознаваемых пластиковых предметов основных цветов палитры. Сэм не винил малышей за вопли – возможно, он тоже вскоре взвоят, если ему придется еще долго слушать поднадоевшие еще в восьмидесятые годы хиты «Деф Леппард»¹⁴.

Полицейский посмотрел в окно на автомобильную парковку. В любой момент Элис могла заехать на одно из свободных мест. Вот, возможно, это она хлопнула крышкой багажника красного «Рено Клио». Солнечные очки, сандалии с ремешками... Нет. Саймон ни за что не запал бы на такую особу. «Интересно, – подумал Сэм, – похожа ли Элис на Чарли? А что если похожа? И что если не похожа?» Почему все, что касается Саймона, так его интригует? Он не стал бы так стараться встретиться с бывшей подружкой Криса Гиббса или Колина Селлера. Если вдуматься, то он, вероятно, скорее мог бы проехать изрядное расстояние, чтобы взглянуть на ту редкую особу, которая не возбудила Колина, допустив, разумеется, что таковая особа существует.

Пристыженный собственным похотливым любопытством, Комботекра постарался сосредоточиться на Конни Боускилл. Вскоре он вновь поймал себя на мыслях о Саймоне Уотерхаусе. Да ладно, решил он, в данных обстоятельствах такая встреча вполне уместна. Саймона он считал лучшим из известных ему детективов, и все его знакомые тоже считали его лучшим детективом, хотя большинству не хотелось признавать это, и они предпочитали отмахиваться от него, называя Саймона грубым и непредсказуемым смутьяном. Первого января нынешнего года, в пять часов утра, Сэм принял решение: вместо того чтобы постоянно чувствовать себя ниже Уотерхауса, позволяя разрастаться собственному возмущению, он постарается учиться у него, отбросив самолюбие, и посмотрит, сможет ли он, подражая поведению и изучая позиции Саймона, если удастся одновременно приобщиться к обоим аспектам, приобрести хоть малую толику такой же великолепной проницательности.

Сэм не сомневался, что лучший детектив не поспешил бы отмахнуться от истории Конни Боускилл. Хотя еще вопрос, заслужила бы она его доверие?

¹⁴ «Def Leppard» – британская рок-группа, пик популярности которой пришелся на 1984–1989 гг.

На месте Сэма, встретившись с Конни и услышав описанную ею ситуацию, Саймон, вероятно, склонился бы к мысли о том, что она, страдая от душевного напряжения, видит все в обманчивом свете, или пришел бы к убеждению, что она лжет. А может, он подумал бы, что как раз неправдоподобность такой истории с большей вероятностью свидетельствует о ее реальности, поскольку редкий человек обладает такой самоуверенностью, чтобы поведать настолько вопиющую ложь?

Ты не Саймон – в этом-то и есть вся проблема. Ты понятия не имеешь, что он может подумать.

Нет, неправда. Невозможно, долгие годы работая бок о бок с человеком, не получить хотя бы слабого представления о логике его мыслительного процесса. Саймон подумал бы, что существует по меньшей мере какой-то шанс того, что совершено преступление. Если бы он вместе с Сэмом заехал поговорить с Боускиллами, то наверняка ушел бы с убеждением, что в этом доме явно что-то неладно – в коттедже «Мелроуз», а не в кембриджском доме № 11 по Бентли-гроув. И Комботекра согласился, насколько можно согласиться с воображаемой проекцией отсутствующего коллеги. Происходило нечто странное: Конни и Кит Боускилл рассказали ему не все, далеко не все. Он подслушал достаточно реплик не предназначенного для его ушей разговора и убедился, что они сговорились скрыть что-то от него.

Мысль о том, что кто-то поместил изображение трупа на вебсайт агентства по недвижимости, казалась смехотворной. За гранью безумия. Мысленно Сэм услышал слова Саймона: «Безумцы ничего специально не придумывают. Умопомешательство так же реально, как благоразумие. Оно не нуждается в нашем понимании, чтобы облажаться и покончить с жизнью, – безумию нужно лишь свое собственное понимание. А порой не нужно даже этого». Мгновенно Комботекра пожелал забыть эти замечания: держа их в памяти, он получит очередной пример того, что его коллега окажется прав, а сам он ошибается, несмотря на то, что его версия понимания гораздо более вероятна.

Сэм тяжело вздохнул. Временно заменяя Саймона, он готов был сделать все возможное для обнаружения неведомой мертвой женщины, в которую сам не верил, – женщины в зеленом платье с сиреневым рисунком. Он уже позвонил в полицию Кембриджа и дал им понять, что ожидает от них некоторых действий, – разумеется, после того как они перестанут хохотать.

– Сэм? – послышался рядом с ним женский голос.

Подняв глаза, он увидел стриженую обесцвеченную блондинку в очках с пластмассовой оправой насыщенного кирпичного оттенка и блестящей красной, как лондонские автобусы, помадой. Ее длинное розовое платье без рукавов дополняли золотые сандалии на плоской подошве и странная дырчатая веревочная сумка, выглядевшая так, словно ее связали из каких-то обрезков. Дырки на сумке, являясь частью продуманного дизайна, а не результатом старения или разрывов, давали, однако, Сэму возможность частично увидеть содержимое: красный бумажник, конверт, брелок с ключами...

– Элис Бин, – с улыбкой представилась женщина, протягивая ему руку. – Вы даже не представляете, как странно я себя здесь чувствую! Я не заходила сюда почти семь лет. Так что вы поймете причину, если мне вдруг поплохеет.

– Могу я предложить вам что-то выпить? – спросил Комботекра, пожимая ей руку.

– С удовольствием выпила бы лаймового ликера с лимонадом. И побольше льда. Понимаю, это детский напиток, но в такую жару ничего другого не хочется. Пока я ехала сюда в машине, из меня, должно быть, вытопилась добрая пинта влаги.

Стоя в очереди к бармену, Сэм поглядывал на Элис уголком глаза. Спору нет, она симпатична и мила, однако его удивили ее волосы – и стрижка, и цвет. А также очки в кирпичной оправе, и более всего – выбор помады. «Чертовски странно, – подумал он, – что Саймону могла... Но, разумеется, при условии, что и семь лет тому назад она выглядела так же и

что вкус Саймона к женским прелестям легко предсказуем». Но с чего бы Уотерхаусу быть предсказуемым в этом отношении, если во всех прочих он решительно непредсказуем? Ведь он сделал Чарли предложение, когда она еще даже не считалась его подружкой...

– Значит, Конни дала вам номер моего телефона? – спросила Элис, когда Сэм поставил перед ней на столик запотевший стакан напитка.

– Нет, не давала. Я не просил ее. Сам нашел его в «Желтых страницах», в рубрике «Альтернативная медицина – Гомеопатия». Там не оказалось Элис Фэнкорт, но я предположил, что вы можете практиковать под именем Элис Бин.

– Бин – моя девичья фамилия. Я не успела привыкнуть к фамилии Фэнкорт.

– А вы обычно работаете и по субботам?

– Нет. Сегодня я не работала. Заскочила в центр, чтобы подыскать лекарство моей дочке Флоренс, – она подхватила какую-то желудочную заразу. Вам повезло, что вы поймали меня. И надеюсь, что не поймаете заодно же и эту заразу, но в принципе такое возможно, так что не говорите потом, что я вас не предупредила. Я подхватила какую-то инфекцию раньше Флоренс, а на работе все переболели ею раньше меня. В общем, наверняка дело в каких-то бактериях. Быстро вырубает организм, хотя есть и преимущество. Сутки тошноты и диареи, а потом болезнь переходит к следующему бедному новичку.

Великолепно. Знаешь, чего ждать.

– Я не задержу вас надолго, – сообщил Сэм новой знакомой. – Раз уж ваша дочь больна.

– С ней все будет в порядке. Я оставила ее на попечении моей подруги Брайони, она для Флоренс как вторая мама. Так что можете располагать мною сколько вам нужно. Обещаю не создавать вам трудностей в случае деликатных вопросов.

Полицейский постарался скрыть удивление. Неужели по нему видно, что вопросы могут быть «деликатными»?

– Что вы имеете в виду? – спросил он.

– Ну, к примеру, о Саймоне. Вряд ли ему хотелось бы, чтобы вы говорили о нем со мной. Наверняка не хотелось бы.

Элис порылась в сумочке, вытащила конверт, который Сэм уже углядел сквозь дырочки, и протянула ему. Он увидел на конверте фамилию Саймона, написанную от руки синими чернилами и подчеркнутую жирной линией.

– Не могли бы вы передать ему письмо?

Комботекра мгновенно понял, что не хочет ничего брать от нее, но с ходу не мог придумать повод для отказа. Потом к его мозговой деятельности подключилось чувствительное нутро. Нет уж, спасибо. Какая бы драма ни произошла между этими двумя, он не желал играть в ней даже второстепенную роль. Обхватив руками кружку, Сэм продолжал сидеть с индифферентным видом, вперив взгляд в кофейную черноту. В итоге Бин убрала конверт обратно в сумочку, а сам он испытал мелочное чувство собственной важности, осознавая, что перевел центр интереса с нее и Саймона на себя самого и свою щепетильность. Правда, вскоре он пожалел, что не взял этот чертов конверт. Стоит ли сообщить ей о вчерашней свадьбе Уотерхауса и о том, что тот уехал отдыхать в свой медовый месяц? Осложнит ли ситуацию то, что свадьбу сыграли только вчера? Сэм не думал, а скорее чувствовал, что это может иметь какое-то значение.

Он собрался уже попытаться объяснить, почему считает не лучшей идеей выбрать его в качестве посредника, но Элис опередила его, показав молчаливой понимающей улыбкой, что не обиделась на него.

– Что вы хотели меня спросить о Конни? С ней все хорошо? – сменила она тему разговора.

– Когда вы последний раз говорили с ней? – отозвался полицейский.

– Мы встречаемся раз в две недели. Последний раз... Погодите, я могу сказать точно. – Женщина выудила из своей миниатюрной рыболовной сетки маленький розовый ежедневник. – В прошлый понедельник, в четыре часа дня.

– То есть на этой неделе? Двенадцатого июля?

Элис кивнула.

– А с тех пор вы случайно не общались с ней по телефону? Может, обменивались какими-то сообщениями или письмами по электронной почте?

– Нет, ничего.

– И она не звонила вам сегодня ночью?

Бин явно встревожилась. Она подалась вперед.

– Нет. С чего бы? Что с ней случилось?

– С ней всё в порядке, насколько я могу судить, – ответил Сэм.

Он был не готов выкладывать свои сомнения.

– А почему ей могло понадобиться звонить мне сегодня ночью? – настаивала Элис. – Почему вы спросили об этом?

Потому что тогда она увидела на экране своего компьютера мертвую женщину, которая вскоре исчезла. И она сказала мне, что вы порекомендовали ей связаться с Саймоном Уотерхаусом, способным поверить в невероятное, если оно действительно произошло. За исключением того, что вы не могли рекомендовать ей этого сегодня в два часа ночи, поскольку Конни не звонила вам. Она не говорила с вами с тех пор, как увидела то женское тело. Если только не солгала о том, в какое время видела его.

– Вы советовали Конни поговорить с Саймоном? – спросил Комботекра.

– По правде говоря, я не могу обсуждать, что говорю моим пациентам или что они говорят мне. Простите.

– Я не прошу вас говорить о том, что Конни не сказала мне сама. Она сказала, что вы рекомендовали Саймона в качестве отличного от прочих детектива, способного поверить в то, что большинство людей сочли бы невозможным.

– Это правда, – согласилась Элис. – Именно так я и сказала, почти дословно.

– Тогда, прав ли я, предполагая – я не спрашиваю о деталях, – что Конни попала в своеобразную... ситуацию или у нее возникла некая проблема и она беспокоилась о том, что ей никто не поверит?

– Я действительно не имею права вдаваться в подробности, но... изначально Конни пришла ко мне, потому что испытала шок... Ей не хотелось верить в то, что шокирующее обстоятельство связано с каким-то темным дельцем, и тем не менее именно этого она и опасалась.

– Когда это случилось? – спросил Сэм.

– В январе, то есть... шесть месяцев тому назад.

– И вы посоветовали ей обратиться к Саймону? Значит, дельце могло тянуть на преступление?

Бин нахмурилась, видимо, размышляя над последним вопросом.

– Нет никаких свидетельств чего-либо незаконного, однако... Верно, Конни подумала, что это могло быть связано с преступлением. Но в то же время она боялась, что думать так – чистое безумие.

– А вы как думаете?

– Честно говоря, даже не представляю. Я понимаю лишь, что состояние психологического и эмоционального раскола не принесло ей совершенно ничего хорошего. Мне подумалось, что если б она поговорила с Саймоном, то он смог бы найти для нее то или иное объяснение ситуации.

– То есть он мог бы понять, имело ли место преступление?

– Я сознаю, что не существует грандиозного универсального списка, озаглавленного: «Все преступления, свершенные от начала времен», – улыбнувшись, признала Элис, – но такое оригинальное преступление следовало бы зафиксировать. Саймон мог бы найти доказательства не доступными Конни способами.

– А вы помните, когда впервые упомянули ей его имя? – продолжил расспросы Комботекра.

– О, далеко не сразу! Примерно месяц назад, может, полтора. Поначалу я, естественно, пыталась помочь ей сама, как поступаю со всеми моими пациентами, но никакие мои методы или слова, казалось, не действовали на состояние Конни. Если уж на то пошло, то, возможно, со временем она начала себя чувствовать даже хуже. И тогда я поняла, что ей нужно нечто большее, чем анаркадиум и медорринум. Простите, это гомеопатические средства, я забываю иногда, что они известны далеко не всем.

– Воспользовалась ли Конни вашим советом? – спросил Сэм. – То есть поделилась ли она своей проблемой с Саймоном?

Уж не потому ли он брал два дня отгула пару недель назад? Тогда Уотерхаус, потупив глаза, пробурчал нечто неопределенное о «свадебных приготовлениях». А Сэм тогда написал это смущению – разговоры о романтической связи, несомненно, хотя и необъяснимо, оскорбляли Саймона, и он вообще избегал упоминаний о своем будущем семейном статусе.

Элис уклончиво взглянула на собеседника.

– Спросите Конни сами, – мягко посоветовала она извиняющимся тоном. – Я уверена, что она вам все расскажет, если вы сумеете выслушать ее с сочувствием.

– А не связана ли ее невероятная история и возможное преступное дело с виртуальной экскурсией по одному из домов на вебсайте недвижимости? – спросил Сэм.

Выражение лица собеседницы сразу же дало ему единственный нужный ответ: она не понимала, о чем он говорит.

Итак, Конни имела уже две проблемы, в которые невозможно поверить: одну начиная с января, а другая появилась тринадцать часов назад. Интересно. *Невозможно поверить.*

– Вы посоветовали Конни поговорить с Саймоном, искренне полагая, что ей нужна помощь полиции, или надеялись, что он свяжется с вами, чтобы спросить о ней? – едва эти слова слетели с его языка, Сэм понял, что явно переборщил с любопытством. – Простите, – покаянно произнес он, поднимая руки. – Я не имел права задавать такой вопрос. Забудьте о нем.

– Почему же, разве я не могу спокойно ответить на него? – возразила Элис. – Я искренне верила, что Саймону следует услышать о проблеме Конни, поскольку... в общем, потому что ситуация очень странная, на редкость необычная. И либо это дело действительно ужасно, либо сущие пустяки. Но внезапно... – Тут женщина умолкла, пристально изучая что-то на столе, и Сэм уже подумывал, не стоит ли подтолкнуть ее к продолжению, когда она продолжила сама: – Честно говоря, я только что осознала, что советовала ей поговорить с Саймоном, потому что сама хотела это сделать. Мне хотелось поговорить с ним о ее деле. Мы с ним не общались с две тысячи третьего года, а... возникшая у Конни проблема заставила меня понять, что больше всего мне хотелось бы восстановить контакт с ним. Это заставило меня понять, что я скучаю по нему, хотя, в сущности, я даже толком не знала его. Просто безумие какое-то! Самое забавное, что я всегда была абсолютно уверена, что однажды он опять появится в моей жизни. И когда вы позвонили сегодня утром... – Она удрученно покачала головой, глядя мимо полицейского в сторону окна.

Он мог догадаться о том, что она не договорила. Когда Комботекра позвонил этой даме сегодня утром и попросил встретиться с ним, она, видимо, оставила свою больную дочь на попечение подруги, а сама посвятила следующие пару часов сочинению письма, которое ей хотелось написать последние семь лет и которое Сэм отказался передать.

– Послушайте, мне жаль... – начал было он.

– Пустяки, – оборвала его Элис. – Мне не следовало пытаться использовать вас в роли удачно подвернувшегося почтальона. Неэтичная просьба. И к тому же излишняя. Мне известно, где Саймон работает... так что я могу отправить послание по почте. Хотя вряд ли отправлю. – Женщина кивнула, как будто формально подтверждая свое решение. – Я твердо верю в судьбу, а сегодня судьба дала мне понять, что я выбрала неудачное время. Готова спорить, вы не привыкли считать себя посланцем судьбы, не так ли? – Она усмехнулась.

– Не привык, вы правы. – Вот Колин Селлерс не полез бы в карман за остроумным ответом, но Сэму не удалось придумать ничего оригинального.

Закрыв глаза, Бин сделала глоток своего напитка.

– Удачное время придет, – заключила она.

5

Суббота, 17 июля 2010 года

– Миллион двести тысяч фунтов? Ох... Оу! О-о-ё-ёй! – Выражение мамино изумления закончилось подвывающим стоном.

На столе перед нею выстроились пять кружек, и, заливая в них кипяток, моя мама умудрилась ошпарить левую руку. По-моему, она сделала это намеренно, хотя, разумеется, никому не удалось бы доказать, что оплошность была не случайной. Однако она обожглась, и теперь я виновата в том, что заставила ее жутко разволноваться. Опять я виновата. Ей хотелось, чтобы все это заметили и выразили мне порицание. Если родственнички станут винить меня, если Фрэн, или Антон, или папа скажут: «Посмотри, что ты наделала, Кон», мама тут же вступится за меня, но ее защита будет завуалированным нападением: «Конни не виновата... держа чайник с кипятком, мне следовало быть внимательнее, но меня так потрясли ее слова, что я невольно отвлеклась».

Разве мог кто-то из них не понять значения этого жеста – мы все давно варились в одном семейном котле и досконально знали недостатки, ложные, завышенные самооценки и безобразную своекорыстность каждого из нас! Неизменность их реакций, выражений лиц, до последнего слова или гримасы, вызывает досадное разочарование и отвратительное ощущение предсказуемости, порождая горестный вздох в тот самый момент, как вы воочию убедились в своей правоте, еще до того как они произнесли хоть слово! Услышав столь пессимистичную оценку, Кит наверняка сказал бы, что я перебарщиваю, но он никогда не был близок со своими родителями, а теперь и вовсе порвал отношения с ними. Он вечно твердит, как завидует моей приобщенности к «Клану Монка» – так он называет нашу семейку. И я не смею открыть ему правду, ведь он может обвинить меня в неблагодарности. И, вероятно, будет прав.

А правда заключается в том, что я предпочла бы менее тесные отношения с родственниками – тогда, возможно, им удавалось бы хоть время от времени удивлять меня. Поэтому их осуждение – по любому поводу – не способно проникнуть в меня достаточно глубоко и посеять семена сомнения, заведомо предвещавшие их рост до размеров могучих дубов. Хорошо еще хоть Кит свободен от родственного бремени!

– Давай же, Бенджи, – шепчет Фрэн, – съешь еще немного брокколи, и тогда получишь кусочек шоколадки. Получишь в награду именно ту шоколадную завитушку. Ну, будь умницей, *пожалуйста!*

– Смелей, Бенджи, приятель... покажи маме и папе, как легко ты расправляешься с овощами. Настоящий супергерой! – Антон смело польстил сыночку в полный голос.

Ему и в голову не пришло, что на кухне родителей жены сегодня происходит нечто более важное, чем борьба Бенджи с зелеными овощами – он не видел никакой необходимости переносить разговоры о брокколи на второй план. Сложив ладони рупором, он продолжил раскатистым басом:

– Сможет ли маленький мальчик победить капустного монстра? Достаточно ли смел Бенджи, чтобы проглотить... страшную... брокколи? Если окажется, что он так же смел, как супергерой, то его ждет награда из двух... шоколадных завитушек!

Уж не схожу ли я с ума: неужели Антон не слышал ничего из сказанного мной, не понял, что я видела мертвую женщину, лежащую в луже крови, и говорила о ней сегодня утром с детективом? Почему никто не посоветует ему заткнуться? Или меня вообще никто не услышал? То, что никто из них не счел нужным ничего сказать на эту тему, кажется мне

невероятным, как невероятно для меня и то, что я видела прошлой ночью на моем лэптопе, – невероятным, однако реальным, если только я не потеряла способность отличать реальность от ее противоположности.

Кит думает, что потеряла. Может, моя семья тоже так думает и именно поэтому игнорирует меня?

– Не стоило говорить о двух, – монотонно укорила Фрэн Антона, сопроводив укор преувеличенной улыбкой, по-видимому, чтобы уберечь их сына от удивления на тот случай, если он с нетерпением ждет эмоциональной перепалки между родителями. – Одной завитушки достаточно, правда, Бенджи?

– Я хочу две шоколадные завитушки! – опасно раскрасневшись, взвыл мой пятилетний племянник.

Я открыла рот, но снова закрыла его, так ничего и не сказав. К чему попусту сотрясать воздух? Я сделала то, ради чего пришла сюда: сообщила родственникам то, что им нужно знать. Чтобы не казалось, будто мне нужны их вопросы, я выглянула в окно и принялась разглядывать садик за родительским домом, где разместились детские качели, горка, спортивный игровой комплекс, специально устроенная яма с песком для прыжков и два батута, а также домик на дереве: личная игровая площадка Бенджи. Кит прозвал ее «Сказочной Небыландией».

Мама опять выразительно заохала и застонала, делая трагическое представление из обследования покрасневшей кожи на своей руке.

Она-то постоянно общается с Фрэн и Антоном, и ей следовало бы давно понять, что суровое испытание кормления Бенджи ужином отменяет все прочие мысли родителей наряду с их обычными способностями к наблюдательности.

– Ладно, две шоколадных завитушки, – устало согласилась Фрэн. – Простите нас все за эту сцену. Однако давай-ка, Бенджи... сначала доешь то, что положено!

Она взяла вилку у сына из руки, подцепила на нее кусочек брокколи и поднесла его ко рту ребенка, коснувшись его губ. Он тряхнул головой, фыркнув и едва не свалившись со стула. В один голос, как озабоченная группа поддержки, Фрэн и Антон завопили:

– Не упади со стула!

– Ненавижу вашу брокколи! – заверещал в ответ Бенджи. – Она похожа на гадкую сопливаю шишку дурацкого дерева!

Между собой мы с мужем называли его Баловнем¹⁵ Ригби. Сначала прозвище моему племяннику придумал Кит, а после нескольких вялых возражений я тоже согласилась с ним. На самом деле полное имя этого ребенка звучало так: Бенджи Дункан Джеффри Ригби-Монк.

– Ты шутишь, – спросил Кит, когда я впервые сообщила ему, как называли племянника. – Бенджи? Решили снизить пафос Бенджамина?

Дункан и Джеффри звали двух его дедушек. Оба имени, по мнению Кристофера, были далеко не благозвучными, старомодными и не достойными того, чтобы их навязывали отпрыскам нового поколения. Последнее же имя, Ригби-Монк, получилось от слияния фамилий Фрэн и Антона.

– Для меня лично он всегда будет только Бенджамином Ригби, – заявил Кит после нашего первого знакомства с мелким племянником. – Он выглядит славным малышом и заслуживает славного имени. Не такого, каким наградили его папочку, так что, по-моему, в его претенциозности нет ничего удивительного.

¹⁵ Игра слов: в английском языке имя Бенджамин, восходящее к библейскому Вениамину, имеет также значение «младший сын», «любимый ребенок», «баловень».

Мой муж полагал, что «идти по жизни с именем Антон» допустимо – как он определил это – только каким-нибудь испанцам, мексиканцам или колумбийцам либо, на худой конец, парикмахерам и профессиональным фигуристам.

Он поведал мне, что я должна быть благодарна родителям и радоваться тому, что живу так близко к ним, а потом сам же немилосердно высмеивал их передо мной и всячески избегал встреч с ними, посылая меня одну на семейные сборища. Я не жаловалась, но чувствовала себя виноватой за то, что втянула его в наш родственный круг. Мне лично совершенно не хотелось бы жениться на человеке из такой подавляющей и вездесущей семьи, как моя.

– Фрэн, оставь бедного ребенка в покое! – простонала моя мама. – Одна жалкая головка брокколи не стоит таких усилий. Я могу приготовить ему ку...

– Нет! – Неистово взмахнув рукой, сестра прервала маму, не дав ей произнести фатальные слова: «куриные наггетсы с картошкой фри». – У нас все хорошо, правда, Бенджи? Милый, ты ведь доешь эти чудесные, вкусные и очень полезные зеленые шарики? Ты ведь хочешь вырасти большим и сильным, правда?

– Как папа, – добавил ее муж, поигрывая бицепсами.

Раньше Антон работал личным тренером в фитнес-клубе «Волна», но уволился оттуда после рождения Бенджи. Теперь он качается, толкая штангу, и укрепляет свои двуглавые мышцы и прочую мускулатуру, или как там спортсмены называют те части тела, что нуждаются в укреплении, на разнообразных диковинного вида тренажерах в их с Фрэн гараже, который он превратил в домашний спортзал.

– Папа вот в детстве послушно кушал все зеленые овощи, и видишь, каким он стал сильным! – продолжала моя сестра.

В этот момент к разговору обычно присоединялся высокий голос моего отца:

– Сделать из детей хороших едоков можно, только предоставив им простой выбор: либо они едят все, что дают, либо вовсе ничего не едят. Весьма быстро усваиваемая наука. С вами двумя она сработала. Вы обе едите все, что съедобно. Могли бы даже слопать вашу мать, если б та попала на тарелку!

Отец озвучивал сие наставление или его версию уже как минимум полсотни раз. Даже когда сестра отсутствовала, он неизменно говорил «вы обе», а не «ты и Фрэн» в силу давней привычки видеть нас здесь в этой комнате в полном составе на привычных местах так же, как сейчас. Сам папа, разложив перед собой «Таймс», как обычно, сидел за шатким, колченогим столом, который обосновался на кухне Торролд-хаус еще до моего рождения. Мама неизменно суетилась, готовила еду и напитки и, дожидаясь общего сбора, отказывалась от любых предложений помощи, чтобы в итоге обеда, загружая посудомоечную машину, иметь возможность тяжело вздохнуть и потереть поясницу. Антон с развязным видом крутого парня привалился к корпусу плиты «Эй-джи-эй»¹⁶, когда-то красной, а теперь – по прошествии долгих лет службы – покрытой кракелюрами серебристых царапин. Фрэн нянчилась с Бенджи, пытаясь впихнуть ему в рот один кочанчик брюссельской капусты, один листик шпината и одну горошинку, стимулируя его обещаниями бочек шоколадного мусса, гор чипсов и бесчисленным множеством сладких сдобных яиц.

А я сидела на кресле-качалке возле окна, мечтая накрыться с головой толстым одеялом, и задыхалась, подавляя желание сказать: «Разве не лучше для него традиционная рыба с картошкой, и никаких цукини? Чем, интересно, ваши цукини лучше рыбы с картошкой, пачки дорогих сигарет “Бенсон энд Хеджис”, бутылки водки или, наконец, дозы отменного кокаина? Если подумать...»

¹⁶ «Эй-джи-эй» – фирменное название кухонной плиты компании «Глинуэд груп сервисез».

Общаясь с родственниками, я обычно бываю в чертовски дурном настроении. *Одна весьма уважительная причина, в силу которой мне не следовало бы жить с ними на одной улице, всего в ста пятидесяти ярдах от родительского дома.*

– Как ты думаешь, может, мне надо подержать руку под холодной водой? – спросила мама у папы, поглаживая покрасневшую кожу. – Разве не это рекомендуют при ожогах? Или лучше смазывать их маслом? Как же давно я не обжигалась...

Она рассталась с надеждой привлечь внимание Фрэн или Антона, но с ее стороны было глупо не замечать потерю слуха слишком разозлившегося на меня папы. Степень его ярости явно выражалась в позе и выражении лица: голова опущена, брови хмуро сдвинуты, спина напряженно сгорблена, руки сжаты в кулаки. На нем была синяя рубашка в желтую полоску, и я не сомневалась, что излучаемая им сейчас энергия была сродни серой скальной породе, и Элис согласилась бы со мной, если б увидела его в этот момент. Он сидел неподвижно уже около пятнадцати минут: ухмыляющийся папа, покровительственно похлопавший меня по спине, когда я явилась в его дом, и проводивший меня в кухню, теперь исчез, превратившись в статую, которую, будь я скульптором, я назвала бы «Разъяренный мыслитель».

– Ты что, совсем рехнулась?! – процедил он, глянув в мою сторону. – Вы не можете позволить себе дом за миллион двести!

– Я знаю, – сообщила я ему.

Его беспокоила не только перспектива моего финансового безрассудства. Он был возмущен беспорядком, который я привнесла в его жизнь, не посоветовавшись с ним. Наша семья привыкла жить спокойно, никогда не видя убитых женщин, потом вдруг необъяснимо исчезавших. Теперь, благодаря мне, привычное спокойствие улетучилось.

– Если ты знаешь, что вы не можете позволить себе дом за миллион двести фунтов, зачем же ты его смотрела? – спросила мама таким тоном, словно чертовски умным логическим маневром уличила меня в глупости.

Она медленно и ритмично принялась покачивать головой из стороны сторону. Казалось, мама намерена продолжать это качание вечно, как будто я уже предоставила ей более чем достаточно причин для непреходящих страданий. По ее представлению, я уже обанкротилась и навлекла позор на всю семью. Мама обладала способностью входить в некие измерения, не доступные большинству простых смертных, предвидя наихудший вариант сценария на грядущие десять лет. Такое будущее так же реально для нее, как и настоящее, и видится оно так ярко и отчетливо, что, в сущности, основную часть времени перед ним меркнут любые реалии настоящего.

– Разве ты никогда не смотришь на то, что вы не можете себе позволить? – спросила я.

– Нет, безусловно, никогда не смотрю!

Вот так, разговор закончен. Точно защелкнулась металлическая застежка старомодной дамской сумочки. Мне следовало ожидать такой категоричности. Моя мать никогда не делает ничего, кроме исключительно разумных вещей.

– И тебе не следует, и ты не стала бы, если бы только не поддавалась искушениям, а подумала головой, прикинув размер закладной...

– Но, мама, это вообще невозможно, чтобы они получили такую огромную закладную, – насмешливо бросила Фрэн. – Ты, как обычно, волнуешься по пустякам. Они не будут покупать этот дом, просто не смогут. В нынешней обстановке на рынке недвижимости за коттедж «Мелроуз» никто не даст больше трех сотен тысяч, и больше половины из этой суммы оттяпают жилищно-строительные кооперативы Роундесли и Силсфорда. Даже если Кон и Кит сложат все свои сбережения, никакой кредитор в здравом уме не ссудит им больше миллиона фунтов стерлингов.

После ее слов мне захотелось крикнуть, что моя сестра, естественно, не меньше нас с Китом знает о состоянии наших финансов. Говоря о «сбережениях», она имела в виду

точную сумму, причем верную сумму. Мне столько же известно о ее с Антоном деньгах: состояние их индивидуальных сберегательных счетов, их закладной, их точный ежемесячный доход теперь, когда Антон перестал работать, сколько они платят за обучение в школе Бенджи (едва ли хоть пенни), и сколько платят за них мама с папой (практически полную сумму).

Сколько себя помню, мама обычно твердила нам: «Не понимаю, почему некоторые семьи так скрытны в вопросах, связанных с их финансами? Зачем обращаться с ближайшими родственниками как с чужими людьми?»

Когда мне исполнилось двенадцать, а Фрэн, соответственно, десять лет, мама показала нам голубые книжицы их с папой сберегательных счетов, желая объяснить, что им удалось накопить четыреста семьдесят три тысячи фунтов и пятьдесят два пенса. Помню, разглядывая написанные синими чернилами циферки, я пребывала в полнейшем потрясении и ошеломлении, подумав, что мои родители, должно быть, гениальные бизнесмены и что мне даже надеяться не стоит сравняться с ними в уме. «У нас всегда все будет в порядке, поскольку мы имеем такую сумму в качестве резерва безопасности», – гордо пояснила нам мама. И мы с Фрэн попались на ее пропаганду и потратили наши отроческие годы, бережливо отдавая карманные деньги на наши сберегательные счета, пока наши подруги легкомысленно тратили все до последнего пенни на губную помаду и сидр.

– Если ты думаешь, что мы с твоей матерью собираемся ссужать вас деньгами, чтобы вы могли жить не по средствам, то можешь забыть об этом, – заявил папа.

Они с мамой полагали, что жизнь не по средствам равносильна, в моральном плане, опорожнению детских горшков из окон.

– Нет, я так и не думала, – ответила я ему.

Я не стала бы занимать у родителей и сотню фунтов, не говоря уже о миллионе.

– И я вовсе не собираюсь покупать дом одиннадцать по Бентли-гроув, даже если б могла позволить себе купить дом и раз в десять дороже, а в мире не осталось бы никаких других домов, – добавила я.

Объяснять им причины этого я не стала. Они, должно быть, были очевидны.

– Вы действительно думаете, что нам надо обсуждать мое гипотетическое сумасбродство? А как же быть с мертвой женщиной в луже крови? – попыталась я вернуться к важной для меня теме. – Почему бы нам не поговорить на эту тему? Почему вы избегаете ее? Я ведь все вам уже рассказала, верно? Могу поклясться, я рассказала вам о том, что видела на веб-сайте «Золотая ярмарка» и о визите к нам детектива, способного...

– Ты не видела никакой мертвой женщины – ни на сайте «Золотая ярмарка», ни где-либо еще, – оборвал меня папа. – Мне в жизни еще не приходилось слышать такой нелепый вздор. Ты ведь сама призналась: когда Кит пошел взглянуть, там не оказалось никакого тела. Верно?

– Именно так ты и сказала, – нервно добавила мама, точно боялась, что в своей непредсказуемости я способна, вероятно, изменить мою историю.

Я кивнула.

– Значит, никакого тела и не было... тебе оно привиделось, – заключил отец. – Тебе следует позвонить тому «фараону» и извиниться за то, что ты зря потратила его время.

– Я уверена, что если б торчала за компьютером по ночам, когда все нормальные люди спокойно спят, то тоже начала бы страдать галлюцинациями, – поддержала его мать. – И я неустанно повторяю тебе, но ты никогда не слушаешь: тебе нужно лучше следить за собой. Вы с Китом слишком много работаете, слишком поздно ложитесь спать и даже забываете нормально питаться...

– Успокойся, мама, – сказала сестра, – только зря нервничаешь. Давай, Бенджи, открой ротик, ради Христа. Открой ротик пошире!

– Фрэн, ты тоже думаешь, что мне это привиделось? – повернулась я к ней.

– Не знаю, – откликнулась она. – Не факт. Возможно. Три шоколадных завитушки, Бенджи, если откроешь ротик и съешь эту вкуснятину... Вот, молодец! Немного шире...

– А ты, Антон, что думаешь? – спросила я зятя.

– Не думаю, что ты увидела бы такую жуть, если б ее не было, – заметил он.

Я уже подумывала, не вскочить ли с качалки, чтобы обнять его, когда он все испортил, добавив:

– По-моему, это выглядит как устроенный кем-то розыгрыш. И мне не хотелось бы, чтобы ты переживала из-за него.

Судя по ответам, это был единственный серьезный отклик на мою историю: «Мне не стоит беспокоиться из-за этого... слишком вредно».

– Тебе вообще не следует засматриваться на дома в Кембридже, – строго произнесла мама. – Ни на улицу Миллионеров, ни на... клоунский Парад-алле. Ты забыла, что случилось в прошлый раз, когда ты задумала перебраться в Кембридж?

– Мама, ради бога! – воскликнула Фрэн.

– По крайней мере, для прошлого раза имелась причина... Киту предложили повышение в кембриджском филиале, – ответила я.

«И он не смог принять его, поскольку я все испортила. Спасибо, что напомнили», – уныло добавила я про себя.

– Но почему сейчас, ни с того ни с сего? – взмолилась мама, выбрав, вероятно, самый любимый из множества оттенков ее голоса: слабую, дрожащую трель сломленной женщины. – У вас с Китом процветающий бизнес, прекрасный дом, мы все едва ли не в соседнем доме, твоя сестра, милый Бенджи... так почему же сейчас тебе захотелось переехать в Кембридж? То есть если б, к примеру, ты хотела в Лондон, я могла бы понять, учитывая, как много там дел у Кита... хотя одним небесам известно, почему кому-то хочется жить в таком шумном и грязном гадюшнике... но Кембридж...

– Потому что нам следовало уехать отсюда еще в две тысячи третьем году, а мы не уехали, о чем я и жалею с тех самых пор. – Сама толком не понимая почему, я вскочила с кресла.

Неужели я собиралась выбежать из комнаты? Вылететь из этого дома? Мама и папа в полном недоумении взирали на меня, явно не понимая моих сожалений. Папа отвернулся, издав хрипкое ворчание, не слышанное мной прежде. Это испугало меня.

Почему я вечно всех расстраиваю? Что со мной происходит?

– Ура! Бенджи доел брокколи! – ликующе воскликнул Антон, вновь сложив ладони рупором и, очевидно, не обращая внимания на незримые провода психологического напряжения, протянувшиеся по кухне. Может, я действительно страдаю от болезни, вызывающей галлюцинации, – я способна видеть эти провода так ясно, словно они реальны. Вместе с подвешенными к ним невысказанными угрозами и пылающими обидами они подобны рождественским гирляндам.

– Бенджи – чемпион! – завопил мой зять, видя, как Фрэн триумфально размахивает пустой вилкой.

– Бенджи уже не двухлетний глупыш, ему пять лет! – резко бросила я. – Почему бы вам не попытаться разговаривать с ним нормально, а не играть роли массовиков-затейников на малобюджетном детском празднике?

– Потому что, – продолжил Антон притворным басовитым тоном, – только если папочка так вопит, побуждая его смеяться... он съедает полезную ему брокколи!

На самом деле малыш не смеялся. Он старался удержать в себе ненавистную еду.

Непробиваемая жизнерадостность Антона так разозлила меня, что мне захотелось выплеснуть на него поток оскорблений. Единственный раз я вообще видела мягчайшее недо-

вольство на его лице, когда одна из клиенток фирмы «Монк и сыновья» назвала его домохозяйкой. Фрэн быстро опровергла ее определение, но как-то вынужденно и заученно. Я совершила ошибку, пересказав эту историю Киту, у которого на мужа моей сестры мгновенно развился своеобразный рефлекс Павлова, и с тех пор, слыша имя Антона, он неизменно провозглашал: «Антон – не домохозяйка, а индивидуальный тренер, решивший сделать не ограниченный временем перерыв в карьере».

– Малобюджетном! – обиженно воскликнула мама. – Конечно, ты теперь птица высокого полета, раз заглядываешься на дом за миллион двести тысяч фунтов?

– Решительно недопустимо платить за дом такие безумные деньги, – поспешила добавить Фрэн.

Ее раздражает, что мы с Китом обеспечены лучше, чем они с Антоном, хотя сомневаюсь, что она способна признаться в этом самой себе. Ситуация обострилась с тех пор, как Кит уволился из «Делойта»¹⁷ и мы начали свой собственный бизнес. Если б «Нулли» провалилась, моя сестра могла бы посочувствовать, огорчиться за нас, но все же испытала бы облегчение. Я уверена в этом, но у меня нет доказательств. На данный момент я многого не могу доказать.

Фрэн с Антоном живут в коттедже под названием «Тэтчерс»¹⁸, он меньше моего дома и находится ближе к родительскому – почти напротив Торролд-хауса, сразу за сквером. Так же, как и наш «Мелроуз», этот двухэтажный коттедж имеет даже двухэтажный подвал, но кухня у них не больше крохотной закутка в конце гостиной, спальни притулились под самой тростниковой крышей, а из-за скошенных потолков там с трудом можно выпрямиться в полный рост. В сущности, Антон и Фрэн так исстрадались от тесноты, что теперь, после рождения Бенджи, практически живут с мамой и папой. «Тэтчерс», который они упорно называют своим «домом», пустует почти постоянно.

Почему никто никогда даже не намекнет, как безумно содержать в нашем квартале пустующий дом? *Безумнее, чем разглядывать в Интернете дома Кембриджа. Безумнее, чем считать переезд в один из самых красивых и полных жизни городков Англии недостойной альтернативой тому, чтобы провести остаток жизни в Литтл-Холлинге с его единственным пабом и населением менее тысячи человек.*

– Не обращай внимания на Конни, Антон, – милостиво произнесла мама. – Она явно лишилась рассудка.

– Она может занять его у меня, – предложил мой зять, подмигнув мне. – Может, согласишься, Кон, лишний денек присмотреть за ребенком?

Я постаралась улыбнуться в ответ, хотя перспектива лишнего дня с их отпрыском вызвала у меня волну возмущения. Я и так уже торчу с Бенджи по вечерам каждый вторник. В нашем семействе, если что-то случается один раз и проходит гладко, то лишь вопрос времени, когда кто-то предложит закрепить столь славную традицию.

– Один секолядный завитосик, два секолядных завитоська, три секолядных завитоська! – Теперь уже и Фрэн сюсюкала с сыном, демонстративно выражая поддержку Антону.

Она на его стороне, папа и мама – каждый на своей, а на моей – никого нет. Что ж, такой расклад меня вполне устраивал. Безусловным благом является все, что уменьшает во мне ощущение причастности к родственному клану Монков из Литтл-Холлинга.

– С моим рассудком все в порядке, – заявила я маме. – Я знаю, что видела. Я точно видела мертвую женщину в той комнате, лежавшую в луже своей собственной крови. Детек-

¹⁷ «Делойт Туш Томацу» – одна из крупнейших аудиторских компаний мира с широким спектром услуг в области корпоративных финансов и управления.

¹⁸ Тростник или тростниковая крыша (англ.).

тив, с которым я разговаривала сегодня утром, воспринял мои слова весьма серьезно. Если вы не желаете мне верить, то это ваше дело.

– Ох, Конни, послушай, что ты говоришь! – горестно воскликнула мама.

– Не трать понапрасну слов, Вэл, – проворчал папа. – Разве она хоть раз в жизни прислушалась к нашему мнению? – Подняв правую руку, он пристально изучил место, где та лежала на столе, словно ожидая найти там нечто интересное. – А где же тот чай, что ты приготовила?

– Прости, милая, но это бессмысленно, – приглушенным голосом заметила мне мать, вновь наполняя чайник и бросая виноватый взгляд в сторону папы в надежде, что он не заметит продолжения ее готовности уговорить дочь, которую он только что отверг, как не достойную его тревожений. – То есть если б ты дала себе труд подумать пару секунд, то осознала бы, что это бессмысленная затея, верно? Зачем кому-то показывать тело убитой женщины на вебсайте недвижимости? Убийца не стал бы этого делать, разумеется, поскольку ему как раз нужно скрыть содеянное. Агент по продаже недвижимости тоже не стал бы, поскольку ему нужно продать дом, а кто же его купит, если... э-э...

– За исключением моей старшей дочери! – громко провозгласил отец. – Причем не только моей дочери, но и моего бухгалтера, что еще более тревожно. Да она же с превеликой радостью обречет себя на нищету ради покупки скандального, известного убийством дома за миллион с лишним фунтов! – Не понятно почему, говоря это, он взирал на Бенджи с таким свирепым видом, будто винил во всем именно мальчика.

– Папа, не хочу я покупать дом одиннадцать по Бентли-гроув. Я не могу себе позволить купить его. Ты же не слушаешь меня, – заметила я, добавив мысленно: «Как обычно».

А что он подразумевал, упомянув мою бухгалтерскую работу? Неужели он опасается, как бы я не украла деньги у компании «Монк и сыновья»? Что мои расточительные склонности, вероятно, обанкротят семейный бизнес? Я всегда безукоризненно вела их дела, но мои труды, оказывается, никто не ценил. Не нужно было и стараться.

Вот уже и я сочла себя мученицей. Разве не верно сказано, что все женщины превращаются в своих матерей?

«Пора сказать им, что покидаю нашу фирму, – думала я. – Заявить об уходе. И работать полноценно на “Нулли” – мне же этого хочется, верно? Чем я так привязана к этим людям, раз не могу прямо заявить им о своих намерениях и желаниях?»

– Ты противоречишь сам себе, – заметила я папе. – Если уж мне пригрезился тот труп, тот дом вовсе не известен скандальным убийством!

– Значит, ты все-таки хочешь купить его. Я так и знал! – Отец так треснул кулаком по столу, что его шаткая конструкция угрожающе покачнулась.

– И продавец не мог этого сделать, – бурчала себе под нос мама, обертывая обожженную руку кухонным полотенцем в ожидании, пока закипит чайник. – По-видимому, владелец или владелица хотят продать дом не меньше, чем нанятый ими агент по недвижимости.

– Пожалуйста, мама, прекрати перечислять всех, кто не мог выставить изображение трупа на вебсайте! – со стоном взмолилась Фрэн. – Ты уже высказала свою точку зрения: никто не мог сделать этого.

Почему моя семья вечно вызывает у меня такие чувства? И ведь уже давно любые мои разговоры с ними заканчиваются для меня смятым чувством ужасной душевной неловкости, порождая жуткую потребность в глотке свежего воздуха, словно из нашего общения медленно вытесняется весь кислород.

Я была не в силах дольше находиться в их компании. Но невыносимой была также и мысль о возвращении домой к Киту – ведь он сразу спросит, как восприняли мою историю, и будет смеяться над этой комедией положений, когда я, как заведено, воспроизведу ему комедийную версию семейного разговора, забавно и безобидно подавая веселые реплики

за каждого из членов клана Монков. Есть лишь один человек, с которым мне хотелось бы поговорить в данный момент, и хотя сегодня суббота, но у меня как раз появилась крайняя необходимость.

Неужели крайняя? Ты уверена?

Когда же я последний раз была в чем-то уверена?

Достав из сумки мобильник, я вышла из комнаты.

– Тебе нет нужды уходить в другую комнату. Мы не собираемся подслушивать, – неслись мне вслед голоса моих родных.

* * *

– И самое странное, что я едва не отказалась от этого шанса. Я вдруг поймала себя на мысли: «Но ведь на самом деле нет никакой крайней необходимости... ты не истекаешь кровью от смертельной раны, не висишь над пропастью, цепляясь за скалу кончиками пальцев. Побереги разрешение звонить в случае крайней необходимости для реальной угрозы, связанной с жизнью или смертью, не растрчивай его попусту». Но почему же попусту? Ведь ситуация как раз связана с жизнью и смертью: увиденную мной женщину убили... должно быть, убили. И почему я решила, что разрешение выдано на один-единственный раз, и после такого экстренного звонка оно будет отменено навсегда? Ты рассердилась бы, если б я позвонила тебе в нерабочие часы раз в несколько месяцев или даже лет, если бы, попав в серьезную передрыгу, я почувствовала себя так же дерьмово, как теперь?

– Ты замечала, какие предпочитаешь понятия? – спросила Элис Бин. – «Бережливость», «растрата»...

Нет, я не замечала. Но признаваться в этом удручающе не хотелось, поэтому я промолчала. Когда я начала посещать Элис, меня расстраивали долгие молчаливые паузы в наших разговорах. Но теперь я привыкла к ним. И даже полюбила их. Порой я даже не осознавала, насколько они длительны: *один слон, два слона, три слона*... Иногда я впадала в своего рода транс, разглядывая прозрачные стеклянные бусины, украшавшие низ кремовой шелковой шторы, или розовых бабочек на люстре.

– Зачем ты рассказала своим родственникам о том, что видела эту женщину и кровь? – наконец спросила Элис.

Кит спрашивал меня о том же. «Зачем рассказывать им? – удивился он. – Они же дадут тебе по мозгам, и ты будешь чувствовать себя в сто раз хуже!» Я понимала, что он прав, но тем не менее пошла на риск и поставила себя на линию огня.

– Описывая своих родителей, ты частенько использовала понятия «удушения» и «подавления», – Бин помнила каждое мое слово, произнесенное при ней с нашей первой встречи, причем она не прибегала к помощи записей.

Может, розовые бабочки скрывали какое-то записывающее устройство?

– Зачем ты опять пошла к ним, чтобы быть подавленной и придушенной, после бессонной ночи и этого самого ужасного потрясения в твоей жизни?

– Я должна была рассказать им. К нам приходил детектив, он взял у меня показания. Я не могла утаить от них такого важного и серьезного дела. Раз уж я связалась с полицией, то не могла скрыть это от семьи, – объяснила я.

– Не могла?

«Никаких секретов между любящими людьми!» – это вдальбивалось мне в голову всю сознательную жизнь. Я сомневалась, что можно объяснить такого рода программирование тому, кто не подвергся ему.

– Ты продолжаешь, однако, умалчивать о другом серьезном и важном для твоей нынешней жизни деле, – напомнила Элис. – О той проблеме, что терзает тебя с января месяца.

– Это совсем другое, – я рассмеялась, хотя мне хотелось плакать. – Та проблема, возможно, и яйца выеденного не стоит. Вероятно, так и есть.

– Проблема увиденной тобой мертвой женщины тоже может оказаться ерундовой, если учесть, что она могла тебе привидеться.

– Нет, она не привиделась. Я уверена, что не привиделась.

Психотерапевт сняла очки и водрузила их на колено.

– То, что случилось в январе, тебе тоже не пригрезилось, – сказала она. – Ты не понимаешь, что это означает, но ты не могла вообразить этого.

– Я не могу рассказать маме и папе о своем страхе того, что Кит, возможно, ведет совершенно другую, не ведомую мне жизнь, – призналась я, испытывая отвращение уже к самим этим словам. – Это просто невозможно. Ты не понимаешь. Я могла изменить фамилию, но я по-прежнему осталась одной из Монков. Все в семействе Монков порядочны, нормальны и счастливы. И это не случайное совпадение – таково правило. У нас не существует никаких проблем, ни малейших, не считая того, что Бенджи не ест чертову брокколи, – это худшее из того, чему позволено случаться. Совершенно исключено, категорически запрещено происходить чему-либо таинственному... то есть по-настоящему скверному и странному событию. Если странность забавная, то все в порядке, поскольку она воспринимается как хороший анекдот.

Пытаясь успокоиться, я потерла усталый лоб и продолжила:

– Хуже скверного события может быть только неопределенность. Мои родители не воспринимают никакой двусмысленности... буквально, едва только она осмеливается заявить о себе, они совершенно недвусмысленно указывают ей на дверь. И конечно, я рассказала им о ночном кошмаре намеренно. Все поступки моих родителей абсолютно однозначны. Неопределенность является их врагом. Одним из врагов, – уточнила я. – Другой враг – перемены. А еще стихийные и рискованные действия. То бишь набирается целая вражеская банда.

– Неудивительно, что твои родители живут в страхе, – заметила Элис. – Ты сказала это сама: их преследует целая банда врагов.

Собирается ли она дать мне такое же лекарство, как давала в последний раз? Оно называлось «Кали фосфорикум». Для людей, испытывающих отвращение к собственным родным. Муж пригрозил, что стащит этот пузырек для себя, когда я рассказала ему.

– Кит очень несчастен, – призналась я своей собеседнице. – Я сделала его несчастным. Он не понимает, почему я не верю ему. Да и я тоже. Почему я не могу согласиться, что порой происходят странные необъяснимые события и выкинуть их из головы? Я знаю, что Кит любит меня, знаю, что он отчаянно хочет возвращения нашей нормальной жизни. Кроме меня, у него никого нет и... я люблю его. Это звучит безумно, но я люблю его даже больше, чем раньше... и жутко переживаю за него.

– Из-за того, вероятно, что он невиновен, а его собственная жена не верит ему? – предположила Элис.

– Так могу ли я рассказать об этом маме с папой и Фрэн, – кивнув, спросила я, – и побудить их подозревать его тоже, раз не существует никакого способа положить конец моим подозрениям? Неужели мне мало, что я и так сделала его несчастным?

– Следовательно, ради Кита ты утаиваешь проблему от семьи?

– Ради него и ради них самих. Мама и папа не смогут пережить этого... я знаю, не смогут. Они постараются не позволить мне жить в такой неопределенности. Наймут частного детектива... Нет, если б они так поступили, то это означало бы признание собственной причастности к чему-то отвратительному. – Я вдруг осознала это как откровение, хотя с одной стороны, мне было ясно, и что сама я поддерживаю их. – Они начнут давить на меня, чтобы я бросила его и вернулась в Торролд-хаус. Просто на всякий случай. Вероятно, они

скажут: «Если ты не уверена на сто процентов, что он заслуживает доверия, то не можешь оставаться с ним».

– А разве это такая уж глупая мысль?

– Да. Я предпочитаю погубить остаток своей жизни подозрениями, которые ничем не обернутся, чем бросить любимого мужа, который скорее всего не сделал ничего плохого.

Врач вновь нацепила очки на нос и подалась вперед. Ее кожаное вращающееся кресло тихо скрипнуло.

– Объясни-ка мне кое-что, – предложила она. – Ты не видишь совершенно никакого способа покончить с подозрениями, но через мгновение упоминаешь о возможности привлечения частного детектива. Может, тебе не хочется использовать такую возможность, и я поняла бы тебя в данном случае, но не будет ли такой способ единственной возможностью выяснить наверняка, не обманывает ли тебя Кит?

– То есть ты думаешь, что мне следует нанять детектива? – Если она подтвердит это, то я никогда больше не приду сюда. – Не опасно ли для такой одержимой личности, как я, осознание возможности заплатить за определенность, если вдруг она мне понадобится? Не лучше ли отказаться от надежды на успешный поиск? Что если детектив будет следить за Китом целый месяц и ничего не обнаружит? Развеет ли это мои сомнения или я буду продолжать терзаться тем, что детектив мог допустить небрежность и не заметить чего-то?

– Однако, – улыбнувшись, заметила Элис, – только сегодня утром ты поведала детективу, что видела мертвую женщину в Интернете. Он также может быть небрежен... может не заметить чего-то.

– Тогда я поеду в Кембридж, найду добросовестного детектива и заставлю его выслушать меня, – оживленно заявила я.

– Потому что тебе хочется выяснить правду.

– Да, не обо мне, а о той увиденной мной женщине, кем бы она ни была. Кто-то убил ее. Я не могу просто...

– Тебе хочется выяснить правду, – выразительно повторила Бин.

– Ладно, да, хочется! Ведь в том доме на полу я видела мертвую женщину. Разве тебе на моем месте не захотелось бы узнать правду?

– Конни, могу я говорить честно? Когда дело касается этой мертвой женщины, жажда твоего правдоискательства поистине велика. Я чувствую ее... она вполне осязаемо пронизывает эту комнату. Обычно такое состояние помогает притягивать правду. Когда мы сосредотачиваемся на задаче, которую из всех сил хотим разрешить, полагая, что со временем добьемся желаемого, и непоколебимо стремимся к этому, твердо решив, что никогда не откажемся от поиска, то искомое, как правило, открывается нам... вопрос лишь в том, сколько времени займет наш поиск. В твоем случае имеется осложнение: в другой сфере твоей жизни ты страшишься обнаружения правды, и от тебя исходят настолько же мощные энергетические флюиды нежелания узнать правду, – заключила Элис и, ожидая моей реакции, скрестила руки на груди.

– Ты имеешь в виду Кита? Это нечестно. Ты же знаешь, как упорно я старалась...

– Не старалась, – мягко возразила гомеопат. – И ты обманываешь саму себя, если так думаешь.

В таком случае мне надо быть исключительно убедительной.

– Так ты имеешь в виду, что противоречивые желания смешиваются и выдают путаный сигнал? И мой страх выяснить правду о Ките отталкивает эту самую правду?

Элис промолчала.

– То есть, кто бы ни взялся за поиск, со всем стремлением и всеобъемлющими направлениями на арене вселенской борьбы – Бога или Судьбы, где бы она ни развернулась... в моем случае искатель будет близорук, не так ли? – раздраженно спросила я. – Не сможет

адекватно прочитать список важных заказов – пункт первый: правда о деле мертвой женщины, пункт второй: никакой правды о возможной измене мужа. Получается, что они накладываются друг на друга, затемняя суть, и в итоге искатель не сумеет точно понять, что ему надлежит найти? А не сможет ли он по-настоящему глубоко сосредоточиться на проблеме поиска и застеситься парой адекватных очков для чтения? Как всемогущему вседержителю вселенной ему такое вполне доступно.

– Ничего не накладывается, затемняя смысл, – возразила Бин. – Эти два пункта неразрывны. Они связаны адресом в Кембридже: дом одиннадцать по Бентли-гроув.

Я почувствовала отчаянное желание отказаться.

Кит не убивал ее. Не мог. Он не убийца. Не могла же я полюбить убийцу!

– Тебе нужна только часть правды или ты хочешь узнать всю правду? – спросила Элис. – То есть все или ничего? Что ты выберешь?

– Всё, – прошептала я, стараясь подавить тошнотворный страх.

– Хорошо. У тебя телефон звонит.

Я ничего не слышала.

– Ничто так не убеждает закоренелого скептика, как немедленный результат, – изрекла Бин.

– Ты не против, если я... Алло?

– Это Конни Боускилл? – услышала я в трубке мужской голос.

– Говорите.

– Сэм Комботекра.

– Ой! – Сердце мое тревожно забилося. «Комботекра, Комботекра», – мысленно твердила я, стараясь запомнить эту фамилию.

– Не могли бы вы в понедельник утром к половине десятого подъехать в полицейский участок Спил-линга?

– Я... а что-то случилось? Вы поговорили с полицией Кембриджа?

– Мне хотелось бы поговорить с вами с глазу на глаз, – сказал детектив. – Так увидимся в половину десятого в понедельник?

– Договорились. Неужели вы даже не можете...

– Тогда и поговорим.

Сэм повесил трубку.

Элис подняла стакан воды с таким видом, словно решила произнести тост.

– Молодец, – одарив меня сияющей улыбкой, сказала она.

Я не представляла, за что она похвалила меня.

* * *

Вещественное доказательство №: СВ13345/432/21IG

Д,

Не забудь заскочить в супермаркет и купить: питу, кетчуп, упаковку салата, бараний фарш, фету, корицу, обжаренные артишоки (в масле, стеклянная банка в отделе гастрономии, ТОЛЬКО НЕ жестяная – из отдела консервированных овощей), новый пенал для Риордана, какой-нибудь

*подарочек для Тилли, чтобы она не чувствовала себя обделенной, – журнал Барби или что-то в этом роде. Спасибо.
Е xxx¹⁹*

¹⁹ Обозначение поцелуев, обычно в конце письма или записки: «чмок-чмок-чмок».

6

19 июля 2010 года

– Ладно. Вот ты выставил ваш дом на продажу...

– Ничего я не выставлял, – возразил Гиббс.

– Допустим, выставил. Тебе вдруг захотелось переехать, и ты выставил дом на рынок недвижимости, – добавил Сэм. – Зачем тебе могло понадобиться снимать номер в отеле?

Последние четверть часа он бродил вокруг стола Криса, то поглядывая на него, то отводя взгляд, словно собирался что-то спросить, но не знал, какой вопрос лучше выбрать.

Гиббс ждал, когда он разродится чем бы то ни было.

– Ну, если я, к примеру, в отпуске и мне не хочется заморачиваться с готовкой... – решил он помочь Сэму.

– Нет, никакого отпуска. Разве ты предпочел бы жить в отеле в нескольких шагах от своего дома? Прости, мои пояснения не слишком вразумительны.

Пояснениями ты вовсе пренебрегаешь.

– Почему ты мог вдруг решить перебраться в отель, ожидая, пока твой дом продается? Сколько бы ни тянулась волокита продажи.

– Я не перебрался бы, – буркнул Крис, досадуя на Степфорда, ставшего теперь его непосредственным начальством, что исключало возможность послать его подальше с такими дурацкими вопросами. – Я продолжал бы жить в доме до самой продажи, а потом переехал в мой новый дом. По-моему, так поступает большинство людей.

– Да. Вот именно.

– Даже если повезло и твой дом продали быстро, то полагаю, придется присматривать за ним еще как минимум недель шесть. А жить шесть недель в отеле слишком дорого... для меня во всяком случае.

– А допустим, что ты можешь себе такое позволить... ну, у тебя большая зарплата или привалило наследство...

– И все равно не захотел бы. И никто не захочет. Почему нельзя просто остаться в своем доме?

– А что если тебе невыносима перспектива того, что покупатели и оценщики будут постоянно путаться у тебя под ногами, бродя по всему дому и участку и не давая возможности нормально развлечься в дружеской компании, или будут трезвонить в твой дом по субботам, когда ты предпочел бы выспаться и нормально отдохнуть? Разве не удобнее в данном случае перебраться в отель?

– Нет, – резко ответил Гиббс.

Дружеская компания? Подружки Дебби то и дело заскакивают на чашку чая... считается ли это нормальным развлечением? Да за кого этот степфордский муженек принимает его, Криса?! Может, за Найджелу Лоусон²⁰?

Колин Селлерс совсем скукожился, выглядя еще хуже, чем на прошлой неделе, что Гиббс счел бы невозможным, если б очевидное доказательство не маячило прямо перед ним.

– Твоя шевелюра выглядит как обмусоленный кошкой, свалывшийся клубок шерсти, – вызывающе заявил он.

Никакой реакции. Крис попытался расшевелить коллегу еще разок.

²⁰ Найджела Лоусон (р. 1960) – британская журналистка, телеведущая, ресторанный критик и автор книг по кулинарии.

– Пожалуй, найдутся парикмахеры, готовые по цене стрижки перерезать тебе горло... Тогда ты разом решишь все свои проблемы.

Селлерс хмыкнул и вяло потащился к своему столу. Прошло уже две недели, как его бросила Сьюки, давняя подруга. Поначалу Гиббс пытался подбодрить его, напоминая, что у него еще есть жена, Стейси, и что по крайней мере теперь она никогда не узнает об этой амурной связи, но оказалось, что Колина так просто не утешить.

– Теперь у меня ни одной пассии, и в сердце вместо любви – зияющая дыра, – мрачно проворчал он. – Если хочешь помочь, найди мне новую подругу. Может, есть у тебя на примете какая-то подходящая особа?

Но никого подходящего у Криса на примете не имелось.

– Да я согласен на любую, – уныло протянул Селлерс. – Старую, молодую, дряблую, тощую, да на худой конец пусть будет хоть уродина... по крайней мере что-то новенькое.

Мысль о том, что в мире есть женщины, с которыми он не мог заняться сексом, усугубляла обиду Колина. Гиббсу понравилась собственная оценка ситуации. Весьма полезный способ мысленно припереть к стенке собеседника. Степфорд что-то мудрил: у него не было никаких поводов для обид, насколько знал Крис. Снеговик имел слишком много таких поводов. Гиббс удивился бы, если б среди них нашлась одна обида, достойная считаться главной. Можно ли обзавестись целым клубком усугубляющих обид?

– Бедняга Колин, – прошептал Сэм, – похоже, ему совсем хреново, никак не придет в себя.

– А большой ли у меня дом? – вернулся Гиббс к прежней теме.

– Не знаю. Пока не видел.

– Тот дом, что выставлен на продажу, – уточнил Крис.

– Ах, извини. Большой – для одинокого жильца. Четыре спальни, гостиная, общая комната, оранжерея, столовая, приличных размеров кухня. Большой сад.

– Тогда, выходит, я привык к простору, живу на широкую ногу. Вряд ли меня устроила бы жизнь в номере отеля, как бы долго моя хата ни продавалась. Можно и свихнуться взаперти от одиночества.

– А представь, что ты – женщина...

– Эй, давай потише! – пробурчал Гиббс, кивнув в сторону Селлерса. – Не хочется возбуждать нашего Прелюбодея.

– Сентиментальная особа, – продолжил описывать гипотетическую ситуацию Сэм. – И из-за работы тебе необходимо перебраться в другой город, но ты любишь свой дом. Тебе невыносимо продолжать в нем жить, сознавая, что скоро придется уехать... и ты предпочитаешь уехать немедленно и... Разве такое невозможно?

– Я могла бы поступить так, – покачав головой, заметил Гиббс, входя в женскую роль, – если б ненавидела свой дом и мне было бы нестерпимо оставаться в нем дольше. Ну, если б я жила там долгие годы с парнем, который выбил из меня сентиментальную дурь, или там, к примеру, случилось нечто чертовски скверное... дети погибли в огне или банда грабителей напала на меня и изнасиловала...

Детектив-инспектор Джайлз Пруст, ни на кого не глядя, протопал мимо подчиненных ему сотрудников отдела уголовного розыска. Дойдя до своего стеклянного кабинетного отсека в дальнем конце общей комнаты, он обернулся и, взмахнув портфелем, изрек:

– Гиббс, не обращайтесь на меня внимания. Продолжайте ваш нравоучительный и поднимающий настроение разговор. В понедельник утром ваши измышления звучат весьма вдохновляюще. – И войдя в свой отсек, он захлопнул за собой дверь.

Иди к дьяволу, Холодец.

Степфорд потер лоб, озабоченно глянув на Криса.

– Мне не верится, что я влип в эту историю, – признался он. – С минуты на минуту сюда должна прийти одна особа, Конни Боускилл, и очень вероятно, она наврет мне с три короба или выдаст мешанину из лжи и полуправды, а я не смогу разобраться, в чем она лжет, потому как у меня нет проницательной хватки Саймона Уотерхауса. И мне никак не удастся связаться с ним... Увы, просто так с нею не разобраться. Если б я мог поговорить с ним пару минут... даже одну минуту... я узнал бы, от чего надо отталкиваться.

Гиббс знал, где искать Уотерхауса. Но ему не разрешили делиться этими знаниями.

Дверь кабинета Снеговика открылась, и в проем высунулась его лысая голова. Он по-прежнему держал портфель.

– Сержант, вы ждете посетителя? – спросил он. – Там в приемной вас спрашивала одна дама. Моложавая привлекательная брюнетка. Конни Боулер, по-моему, она так назвалась. Я уклонился от нее.

– Конни Боускилл, – поправил Степфорд.

Крис уловил напряженную сдержанность в его голосе. Пруст, несомненно, тоже.

– У меня хорошая память на имена, но ее фамилия мне ни о чем не напомнила. Кто она такая? – поинтересовался начальник.

– Конни Боускилл? – Селлерс оживился, перестав разворачивать батончик «Марс». – Никогда о ней не слышал.

Хотя готов трахнуть ее, не так ли? Не глядя.

Переминаясь с ноги на ногу, Степфорд избегал взгляда Пруста.

– Кто же она, сержант? Ясновидящая? – настаивал тот. – Или ваша учительница игре на флейте? Мне, что, стоять здесь, допрашивая вас целый день, или вы облегчите жизнь нам обоим, ответив на простой вопрос?

– Она... нуждается в моей помощи, – выдавил Сэм. – Сэр, это долгая история, и она может стать еще дольше. Она связана с возможным убийством.

– В общем, такие штатные тренировочные инициативы я обдумываю каждый вечер на сон грядущий. Если у нас есть убийство, то почему я о нем ничего не знаю?

– Оно не относится к нашему участку.

– Тогда чего ради она заявила к нам? Почему не отправилась в курортный городок Сент-Энн в Ланкашире? Или в тихое местечко Нетер-Стоуи в Сомерсетшире?

– Если она уже в приемной, то у меня просто нет времени объяснять, – ответил Комботекра. – Сэр, разрешите мне поговорить с ней, а потом я сразу посвящу вас в суть дела.

Возможное убийство... Означает ли это, что Гиббс обязан сообщить Степфорду, где отдыхает Уотерхаус? Возможно. Вероятно.

– Мне уже не нравится ваша суть! – рявкнул Пруст. – В будущем постарайтесь быть менее услужливы... со всеми, кроме меня. Принимались бы лучше за дела, которые вы способны коротко и внятно обрисовать.

Шагнув обратно в свой кабинет, он закрыл двери, но не сел за стол, как обычно, а продолжал стоять, держа портфель в руке и глядя в стеклянную стену с непроницаемым видом – точно своеобразный старый мизантроп в музейной витрине. Да, Снеговик – тот еще субчик, с причудами, по нему явно дурдом плачет. Крис решил попытаться смутить его пристальным взглядом, но через пару мгновений потерял интерес к этому и занялся своими делами.

Полицейский констебль Робби Микин появился на пороге отдела уголовных расследований.

– Сержант, мистер и миссис Боускилл ждут вас в нашей столовой.

– В столовой? – огорченно повторил Степфорд. Он почувствовал, что впервые, как никогда, близок к ярости.

– Лучшее, что я смог придумать, простите. Все следственные помещения заняты.

– Ты в любой момент можешь забронировать номер поблизости. Можно поболтать и в «Блантайре», – предложил Гиббс. – Уж если говорить об отелях...

Надо ли было назвать гостиницу именно «Блантайр»? Нет, вывеска ведь гласит «Отель Блантайр». Он вдруг прикинул, сколько ночей они с Оливией могли позволить себе провести в «Голубом горизонте», прежде чем иссякли бы все их финансы. Совсем немного, если бы она, разумеется, выручила две тысячи фунтов, продав свое шикарное платье.

Ему следует позвонить ей до разговора со Степфордом о месте пребывания Уотерхауса – просто по справедливости надо предупредить ее. У него в мобильнике остался ее номер: должно быть, Чарли дала сестре его номер, и на прошлой неделе Оливия прислала ему эсэм-эску, сообщив, что с нетерпением ждет «свидетельствования» в его компании. Ретроспективно, когда свадьба Уотерхауса осталась в прошлом, Гиббс осознал, что тоже с нетерпением ждал этого. Какой вообще смысл в жизни, если не ждешь чего-то с нетерпением?

Он решил не торопиться со звонком Оливии. Можно и повременить часок.

* * *

И куда же он опять подевался? Бронируя виллу «Дельфины», Чарли прикидывала, какими возбуждающими и расточительными будут две недели в этом огромном и шикарном доме, но она не ожидала столь сильного разочарования. Дома, когда Саймон исчезал и она искала его, ей обычно удавалось его найти через пару секунд. Здесь же поиски резко затягивались: меньше всего Чарли хотелось в одуряющей жаре пробежаться по тридцати комнатам.

– Саймон? – позвала она, стоя у подножия беломраморной лестницы.

Может, он в туалете? Нет, слишком долго его нет... разумеется, если он не захватил с собой почитать «Моби Дика», но его любимый роман она только что видела возле бассейна. В спальне мужа тоже не может быть – меньше всего он рискнул бы позволить ей застать его в спальне. Неужели он готовит ланч на кухне? Вчера Чарли пожаловалась, что слишком долго придется сдирать панцири с креветок, которых они купили в ближайшем супермаркете. Может, Саймон решил заранее очистить их сегодня, чтобы избавить ее от этого унылого занятия? Она мысленно посмеялась над собой. Размечталась...

Направившись в кухню, Чарли поправила верх купальника, и тогда что-то вдруг бросилось ей в глаза: листок бумаги на серванте с каким-то текстом, написанным большими буквами. Неужели он ушел, оставив ей записку? Нет, загорая на лежаке, она заметила бы его уход – ему пришлось бы пройти прямо мимо нее. И нет, это не просто листок, а самолетный билет Саймона. И на нем написано: «СВ2 9AW, Кембридж, Бентли-гроув, дом 11». Чарли задумчиво нахмурилась. Чей это адрес? Хотел ли он, чтобы она нашла его, или просто записал для себя, чтобы не забыть? Есть ли у него знакомые в Кембридже? Насколько ей известно, нет...

С лестницы донесся звук чьих-то шагов.

– Ты звала меня? – спросил Саймон. – Я поднялся на террасу, чтобы лучше разглядеть ту физиономию на горе. Тебе стоит подняться... увидишь ее сразу.

Неужели он до сих пор никак не угомонится?

– Я не расстроюсь, если не увижу этой физиономии.

– Мне хочется, чтобы ты посмотрела, – упорствовал ее муж.

Он начал снова подниматься по лестнице.

– А что там за дом одиннадцать в Кембридже на Бентли-гроув? – спросила жена Уотерхауса.

– Гм?

– Индекс СВ-два девять-АВ.

Саймон смутился.

– О чем ты говоришь?

– Об этом. – Чарли помахала перед ним билетом на самолет.

– Дай-ка взглянуть. – Мужчина подошел ближе и взглянул на адрес, а потом на жену. – Понятия не имею, – сказал он. – Разве это не твой самолетный билет?

– Нет. Твой, – сообщила она. – Мой около бассейна... я использую его в качестве закладки. А ты сунул свой в карман, когда мы сели в самолет... я сама видела. В какой-то момент, начиная с вечера пятницы и до сегодняшнего утра, ты, должно быть, вытащил его, записал на нем этот адрес и оставил его на серванте.

Как же он мог этого не помнить?

Саймон недоуменно покачал головой.

– Нет. Я ничего не писал. А ты?

– Я? – Чарли рассмеялась. – Очевидно же, что я не писала, иначе не спрашивала бы тебя, почему ты записал какой-то адрес!

Ее слова, казалось, не убедили полицейского. Женщина с тревогой осознала, что он устремил на нее тот взгляд, каким смотрел на подозреваемых во время допроса: отстраненно-настороженный.

– Кто живет в доме одиннадцать по Бентли-гроув? – спросил он.

– Саймон, это самый безумный разговор с начала нашего знакомства... и давай посмотрим правде в глаза: мы столкнулись с жестким соперничеством. Я ничего не знаю об этом адресе. А ты должен, потому что сам записал его, так почему же ты не желаешь сказать мне, кто живет там?

– Кембридж. Ты ведь училась в Кембридже.

– Не смей изображать недоверчивость! Говори, что происходит, или я...

– Чарли, я не писал этого. Я никого не знаю в Кембридже. – Мужчина больше не выглядел настороженным, теперь он был рассержен. – Что, черт возьми, происходит?! Ты услышала, что я спускаюсь, и поняла, что у тебя не остается времени спрятать адрес, поэтому придумала какой-то дурацкий, замысловатый двойной блеф – решила обвинить меня в написании этого адреса. Хитро. Только, понимаешь ли, этот номер у тебя не пройдет. Я лично уверен, что не записывал его, запомни! Таким образом, остаешься только ты. Если, конечно, тебе не захочется приплести сюда Доминго... может, он написал это.

– Эй, эй, не кипятись! – Чарли подняла руки. – Саймон, это какое-то безумие. Успокойся, ладно? Я не писала этого. Доминго тоже не писал, он ведь едва лопочет по-английски. Значит, именно ты сделал это. Остаешься только ты.

– За исключением того, что я тоже не писал. – Выражение лица мужа испугало ее. – Если происходит что-то, о чем мне неизвестно, тебе лучше сразу признаться. Каким бы скверным ни оказалось дело.

Из глаз Чарли брызнули слезы. Волна жуткого смятения, зародившись в глубинах ее существа, выплеснулась наружу, отчего все ее тело мгновенно покрылось гусиной кожей. Если ты говоришь правду, а тебе не верит человек, который так много для тебя значит, то что же еще можно сделать?

– Я не писала этого! – выкрикнула она, глядя прямо на Саймона. – Ладно, если ты говоришь, что тоже не писал этого, я верю тебе... и тебе тоже следовало бы верить мне.

– Ты хочешь, чтобы я обыскал эту виллу и нашел незваных гостей с синими чернильными ручками? – сухо поинтересовался Уотерхаус. – Или для начала лучше проверить, нет ли такой ручки в твоей сумочке?

– Проверить мою...

– Подозреваю, что чернила идеально совпадут.

«О боже, помоги прекратить этот кошмар!» Есть ли у нее шанс покончить с этой ситуацией, пока она не перешла в неуправляемый скандал? Ведь у нее в сумочке действительно

есть синяя ручка, и если Саймон найдет ее... Но она ведь ничего не писала на чертовом билете! К тому же он и сам мог с легкостью воспользоваться ручкой из ее сумочки. Нет, такие мысли только ухудшат положение. Им необходимо доверять друг другу.

– Должно быть, это написал Доминго, – предположила Чарли. – Знает он английский или нет... но он, должно быть... ну, не знаю, наверное, принял чье-то сообщение... может, от своих хозяев, может, они – англичане. Может, они живут в Кембридже, или отдыхают там, или поехали в гости.

Возможно ли это? Вполне, если Саймон говорил правду.

– Найди его и спроси, – сказал детектив.

– Сам ищи его, черт возьми, и сам спрашивай! – огрызнулась Чарли. – И если он заявит, что ничего не писал, то именно он, черт его побери, солжет!

– Ты вся дрожишь, – сказал муж, приближаясь к ней.

Чарли готовилась к очередной словесной атаке, но он лишь погладил ее по плечу и... неужели по лицу его скользнула усмешка?

– Ладно, игра закончена, – признался он, – адрес записал я сам.

– Пардон? – Чарли словно окаменела.

– Да, я сам написал его и оставил на видном месте, чтобы ты обнаружила запись.

Эти слова все объясняли. И одновременно не проясняли ничего.

– Ты что... ставил на мне эксперимент?

– Я понял, что остаток дня мне придется ползать перед тобой на коленях, и именно этим я теперь и займусь, – Саймон улыбнулся, явно гордясь собой. Все получилось, как он задумал.

– Это как-то связано с работой, верно? – догадалась женщина. – У нас медовый месяц, а ты не можешь забыть о чертовой работе! Я так и знала, что мысли твои витают где-то далеко!

– Ну, с работой это связано лишь отчасти, – возразил ее супруг. – Чуть позже ты сможешь поделиться со мной своими соображениями по поводу того, где должны витать мысли во время медового месяца, но пока наш разговор свеж в твоей памяти, мне необходимо по горячим следам обсудить с тобой кое-что.

– Он останется свежим, Саймон, и через двадцать лет.

Как все те обиды, которые ты наносил мне в прошлом: они свежи, как клумба маргариток, по одному цветку на каждую обиду.

– Ты поверила мне? Что я не писал этого? Не начала ли ты сомневаться, что не могла сама написать этого, не возникла ли у тебя мысль, что ты могла сделать это в беспамятстве?

Чарли поежилась. Адреналин все еще будоражил ей кровь.

– Ненавижу, – буркнула она. – Ты напугал меня.

– Ты поверила мне, но только потому, что тебе отчаянно хотелось, чтобы я поверил тебе, – спокойно продолжил Саймон. – Ты предложила мне своего рода соглашение: взаимный иммунитет от сомнений. Что могло бы сработать благодаря Доминго. Только он еще живет здесь с нами, и абсолютно не важен для нас. Если б он сказал, что не писал этого, мы могли бы отмахнуться от него, сочтя лжецом, и ничуть не расстроились бы, поскольку нам до него нет никакого дела. А что если бы здесь не было и Доминго? Если бы ты четко знала, что не писала адреса, а я продолжал клясться, что тоже не имею к этому отношения, – что тогда ты могла бы подумать? Могла ли начать сомневаться в собственном психическом состоянии? Могла ли предпочесть заключение, что лгу я... единственный, у кого ты не смогла выудить правду?

– Ты бы лучше сказал мне для начала, к чему весь этот эксперимент? – нервно спросила Чарли. – Я не собираюсь проводить остаток нашего медового месяца...

– Успокойся, – сказал Саймон, – я собирался рассказать тебе...

– Тогда почему же ты уже не рассказал мне... в аэропорту или в самолете? К чему так долго тянул, зачем мучить меня? Я так и знала, что у тебя душа не на месте. Ты отрицал это. Вот уж настоящий лжец!

Не слишком ли она раздувает его вину? Может, стоит просто посмеяться?

Но отшутиться попытался сам Уотерхаус.

– Я думал предоставить тебе немного времени для раздумий, – поддразнивая супругу, произнес он. – Томление в неизвестности подогревает интерес...

– Понятно... Уж не такого ли принципа ты придерживаешься и в нашей сексуальной жизни?

Улыбка стерлась с лица Саймона.

7

Понедельник, 19 июля 2010 года

Кит держал мою руку под столом, пока Сэм Комботекра разворачивал лэптоп экраном к нам. Я вздрогнула: мне не хотелось больше видеть эту комнату.

– Не волнуйтесь, – сказал Сэм, видя, что я отвернулась и прижалась к мужу. – Вы не увидите ничего плохого – всего лишь обычную гостиную, которую видели раньше. В ней не будет ничего лишнего. Но мне нужно, чтобы вы посмотрели на нее. Нужно показать вам кое-что.

– И поэтому мы пришли в столовую? – спросила я.

Чего-то он, похоже, недоговаривает. Уж лучше бы Комботекра еще раз заглянул в коттедж «Мелроуз», если это местечко – лучшее из возможных здешних альтернатив. Мы сидели в столовой размером со школьный актовый зал, наполненной жуткой какофонией: грохотом подносов, шумом посудомойщиков, громкими разговорами по обе стороны от раздаточного окошка, а также и в нем самом – две пожилых, похожих на огородные пугала раздатчицы, если их принято так называть, буквально ржали над шутками молодого полицейского в форме с лоснящейся самодовольной физиономией. Вдоль одной стены расположился ряд игровых автоматов, подмигивающих своими разноцветными огоньками и непрерывно издающих пронзительные звуковые сигналы.

Я ощущала себя невидимкой. Горло уже саднило от громких возгласов, сделанных в попытках услышать собственный голос. В сочетании с жаркой духотой запаха сосисок и яиц казались тошнотворными.

– Конни? – сдержанно произнес Сэм. Все здесь были чертовски сдержанны и разумны, не считая меня. – Прощу вас, взгляните на монитор.

«Тебе нужна только часть правды или ты хочешь узнать всю правду? То есть все или ничего?» – вспомнились мне слова Элис.

Я заставила себя взглянуть на экран лэптопа. И вот опять она: гостиная дома № 11 по Бентли-гроув. Никакой мертвой женщины на полу, никакой крови. Детектив наклонился над компьютером и показал на угол комнаты возле эркера.

– Вы видите этот круг, на ковре?

Я кивнула.

– А я не вижу, – сказал Кит.

– Тусклая коричневатая обводка – почти окружность, правда, не завершенная, – уточнил Сэм. – Внутри нее ковер имеет слегка другой оттенок, видите?

– Эту обводку – да, – согласился Кристофер. – Точно вижу. Только цвет для меня выглядит одинаковым, как внутри, так и снаружи.

– Внутри окружности он темнее, – возразила я.

– Именно так, – кивнул Комботекра. – Это пятно осталось от рождественской елки.

– От рождественской елки? – переспросила я. Он, что, решил пошутить? Я смахнула пот, выступивший над верхней губой.

Глядя на меня, Сэм закрыл крышку лэптопа.

«Просто скажите все, что бы то ни было, – мысленно взмолилась я. – Скажите, как вам удалось доказать, что я ошиблась, что я безумна и глупа!»

– Полиция Кембриджа проявила готовность к сотрудничеству, – сообщил полицейский. – Гораздо охотнее, чем я ожидал. Благодаря их усилиям, надеюсь, я смогу успокоить все ваши тревоги.

Я услышала облегченный вздох Кита, и меня окатила холодная волна ожесточенного возмущения. Как он мог испытать облегчение, еще не услышав новых сведений; неужели он полагает, что все вопросы решены? В любой момент теперь он может вытащить свой «Блэкберри» и начать бормотать о том, что ему пора возвращаться к работе.

– Владелица дома одиннадцать по Бентли-гроув – доктор Селина Гейн, – рассказал детектив.

Так вот как ее зовут! За сорок восемь часов Сэму удалось выяснить больше полезных сведений, чем мне – за шесть месяцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.